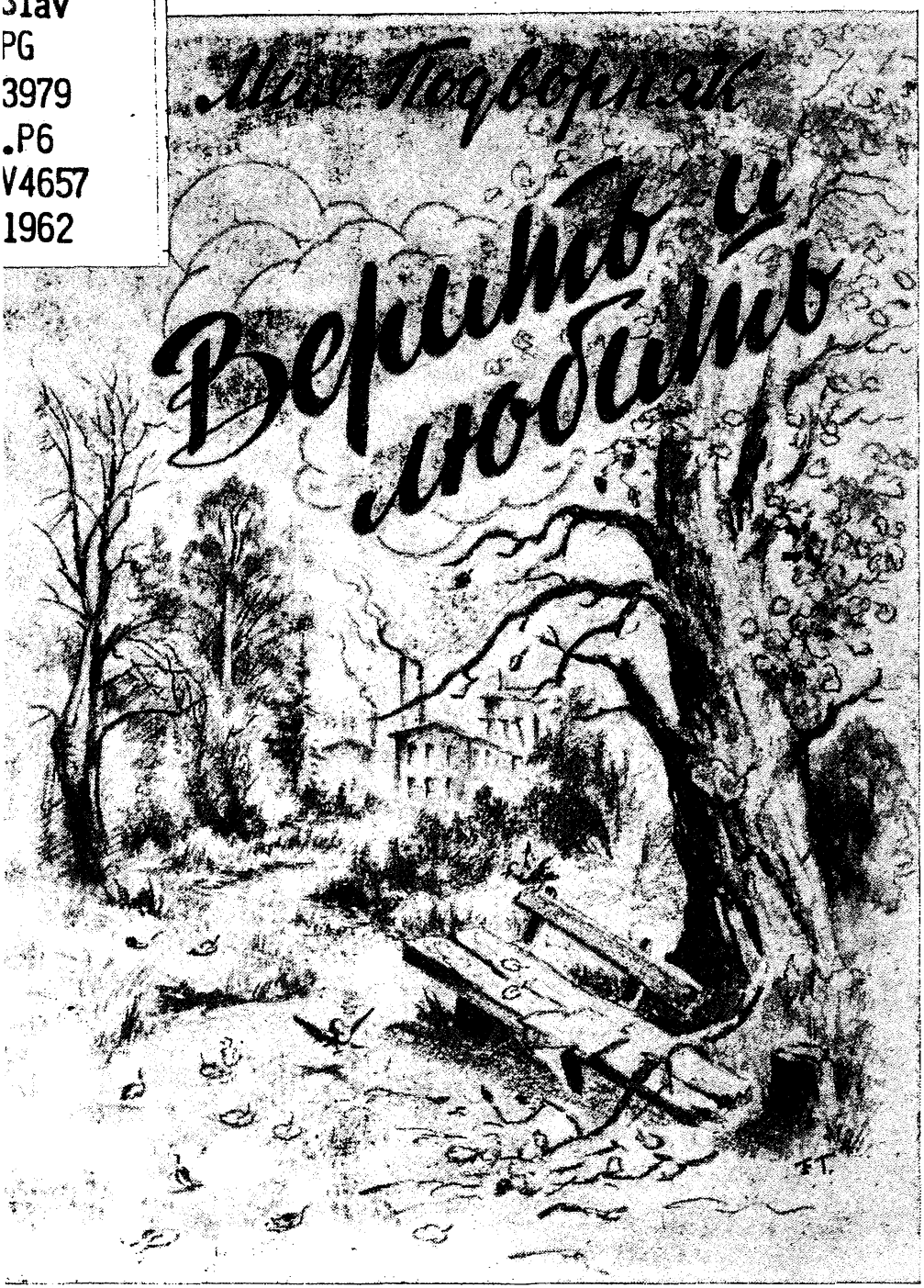
Slav
PG
3979
.P6
V4657
1962



L.S. 38
Slav
PG
3979
.P6
V4657
1962

Podvorniak, M.

Verit' i liubit'

DATE DUE	BORROWER'S NAME

МИХАИЛ ПОДВОРНЯК

SLAV
PG
3979
.P6
V4657
1962

ВЕРИТЬ И ЛЮБИТЬ

Сборник рассказов

БУЭНОС АЙРЕС

1962

SLAVIC COLLECTION-SPECIAL COLLECTIONS DEPT
ELIZABETH DAFOE LIBRARY

BELIEVE
and
L O V E

Перевод с украинского
под редакцией Н. Водневского

Обложка работы художника **Евгения Гарина**

The Slavic Gospel Press
Av. Meeks 860, Temperley
Buenos Aires — Argentina

— Printed in Argentina —

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Михаил Подворняк — один из даровитых писателей украинской евангельской нивы. Ряд его книг, изданных за рубежом, определили ему видное место в эмигрантской литературе. М. Подворняк — вдумчивый, тонкий наблюдатель, умеющий в форму небольшого рассказа облекать глубочайшие истины. Тема его рассказов — наша жизнь. Они назидательны и правдивы. Великие и святые чувства любви к человеку излучает каждая страница его рассказов. Они зовут читателя к глубокому размышлению. Объективность рассказов, их сжатость, умение в небольшом показать большое — отличительная черта творчества М. Подворняка.

Было время, когда я знакомился с украинской культурой по книгам Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси-Украинки. Я читал их в русском переводе. Полюбить украинский язык помогли мне рассказы и стихотворения Михаила Подворняка, книги которого на русский язык до сих пор не переводились.

Чтобы восполнить этот пробел и познакомить русского читателя с творчеством этого евангельского писателя я предлагаю читателю сборник его некоторых рассказов в русском переводе.

Эта книга похожа на небольшое, прозрачное озеро, в котором отражены и луна, и вишневые сады, и хаты Украины. В ней отражена также наше эмигрантская жизнь, а в этом отражении светит невыразимая любовь Христа к человеку.

Эту любовь Михаил Подворняк знает из личного опыта.

Глубоко верю, что книга будет большим благословением для каждого читателя, любящего правдивое, художественное слово.

Николай ВОДНЕВСКИЙ

Сакраменто, Калифорния.

THE UNIVERSITY OF MANITOBA LIBRARIES

Михаил Подворняк.

МАТЬ

В этот день мы рано окончили сушить сено. Потом сложили его в копны и поехали домой. С обеих сторон полевой дорожки стояла зеленой стеной рожь, а за межой были рассеяны красные маки и другие цветы. Ветер колыхал колосья, и широкие волынские поля были похожи на море, которое только что успокоилось после бури. Неровные волны бежали за пригорок, а вслед за ними набегали другие. Из кустов выползали на дорогу вечерние сумерки.

Возле нашего села мы настигли незнакомую женщину. Она поспешно шагала босыми ногами по дорожке, опираясь на длинный посох. На плечах у нее был запыленный узел, выгоревший на солнце, как и все лицо этой женщины. Услышавши за собой стук нашей телеги, женщина сошла с дороги, стала между рядами зеленой картошки и спокойно ожидала, пока мы проедем мимо нее. Поровнявшись с нею, Александр задержал лошадей.

— Садитесь, тетушка, подвезем к селу, — сказал он, отрясая с рубашки серую пыль.

Мы выехали на греблю, отделявшую село от верб и сенокосов. С правой стороны серебрилась река и дышала на нас прохладой и скошеными травами. На берегу реки стояли рядами копны сена, а между ними расплывался серый вечерний туман.

За старой деревянной мельницей мы напоили лошадей и въехали проулком в село. Дорогой мы узнали от незнакомой женщины, что она сегодня прошла большой путь. На лице мы увидели усталость, а поэтому пригласили ее к себе домой переночевать и отдохнуть. Она любезно согласилась, радуясь неожиданной случайностью.

Александр выпрягал лошадей, сбрасывал с воза сено, а я с женщиной пошли в дом. На столе ожидал нас

вкусный ужин: соленые молодые огурцы, печеная картошка, свежее молоко. В доме было прохладно и тихо. Открытые окна выходили в сад, а оттуда заглядывали к нам первые вечерние звезды, долетало пение какой-то одинокой птицы. После работы хотелось присесть возле окна, протянуть усталые ноги на скамейку и чувствовать на своем лице нежный поцелуй вечерней прохлады.

После ужина мы попросили женщину рассказать нам о себе, откуда она, и куда идет. Она посмотрела на нас усталым взглядом, вздохнула, поправила на голове платок и, после некоторого молчания, сказала:

— Что же я расскажу о себе, добрые люди? Веселого и радостного не найдется ничего. Вот иду пешком несколько недель, но найду ли то, чего ищу, не знаю. Сама я с Украины, и может быть вы слышали, такой город Черкасы возле Днепра. Вот и я оттуда, с этого города. Перед последней войной умер мой муж, Царствие ему Небесное, а старший сын был убит при бомбордировке. Наш дом был разрушен и мы с младшим сыном Николаем перешли жить к добрым соседям. При отступлении большевики мобилизовали Николая, а я осталась сама. Проходили тревожные месяцы, я ожидала от Николая какой-либо весточки, но ее не было. Но вот, недавно вернулся из плена сын соседей. Он рассказывал, что видел моего Колю в лагере военнопленных возле Холма. Он говорил, сын мой был опухший с голоду, не мог ходить на работу, а сидел под забором в лагере и ожидал своей страшной смерти... О, бедный мой Коля!..

Женщина закрыла лицо руками и худые ее плечи конвульсивно дрожали от плача. Наша мать посмотрела на нас с Александром, и я думаю, что она в эту минуту чувствовала себя счастливой, имея при себе обоих своих сыновей. Потом она подошла к женщине, стараясь утешить ее добрыми и теплыми словами.

Через некоторое время женщина немного успокоилась и, всхлипывая, продолжала:

— Когда я узнала, что мой Коля где-то здесь в ваших краях, я в тот же день собрала кое-что и пошла в

далекий путь. Я не знаю, где расположен этот Холм, но мне сказали, что нужно идти на запад, сюда, к вам. Уже несколько недель, как я в пути. Устали мои ноги, износились ботинки, болит сердце, но я благодарю Бога, что пришла вот сюда, а отсюда, говорят, уже недалеко. Пойду туда, и если найду этот лагерь, буду просить, чтобы отдали мне моего сына. Ведь он у меня один, вся моя надежда и опора. Может быть, еще застану в живых, а если его уже нету, тогда я больше никого не имею на свете. К кому мне возвращаться? Некуда спешить. Одинокая останусь, никому ненужная...

Она замолкла. Смотрела через открытое окно в сад, а по усталому ее лицу струились крупные слезы.

На следующее утро мы просили женщину остаться у нас, отдохнуть, набраться сил, но она ни за что не соглашалась. И мы ее поняли. Она спешила. Недалеко от нас был Холм. Там, за колючей проволокой, находился ее сын.

Было раннее утро, и небо, покрытое влагой и прохладой короткой летней ночи, сияло голубизной. Медленно двигалось небольшое облако, а круглая тень его падала на гладкую поверхность пруда.

Александр приказал мне отвезти женщину до Поромова, и я начал приготовлять телегу. Когда мы выехали из нашего села, солнце уже поднялось высоко над старыми липами сельского кладбища. Запыленная дорожка лежала между пушистыми травами и по ней еще никто не проходил после ночи. Вокруг нас алмазами сияла роса.

Мы выехали на главную дорогу, ведущую в Холм. Над дорогой виднелись следы недавно проходившего здесь сражения: вырванные с корнем деревья, вырытые снарядами ямы, раскиданные дорожные насыпи. В направлении Холма ехала одинокая телега, до половины нагруженная свежим сеном. Я попросил извозчика подвести старушку, и он любезно согласился. Она пересела на другую телегу, а я возвратился домой.

С этого времени прошло много дней. Они канули как в воду, миновали как сон, но мы не забыли ночевавшей у нас когда-то чужой матери. Однажды вечером, когда мы ложились ко сну, за дверью послышался

осторожный стук. Мать открыла дверь, и мы увидели на пороге знакомую старушку. Тяжело было ее узнать, потому что она была худая, запыленная и оборванная. Мы узнали ее по пиджаку, который подарила ей наша мать. Переступивши порог, она приветствовала нас, а потом села на скамейку возле печи, низко на грудь спустила свою голову. Наша мать подошла к ней.

— Разденьтесь, пожалуйста, и дайте вашу сумку. Вы устали, не правда ли? Мы давно вас ожидали... Хорошо, что зашли.

Женщина сбросила с себя запыленный пиджак и положила возле себя. Потом мать принесла воды и чистое полотенце. Старушка пошла в другую комнату мыться, а мать начала готовить ужин. И хотя было позднее время, на селе не видно было ни одного огня, но после ужина чужая мать рассказала нам о своем пути в Холм и о том, как она встретилась со своим сыном.

После долгих усилий она, наконец, нашла лагерь военнопленных. В этом лагере был и ее сын, но мать об этом ничего не знала. Она несколько раз проходила возле железных ворот, спрашивала у сердитого солдата нет ли здесь ее сына, называла его по фамилии, показывала рукой его рост, но солдаты смеялись, ничего не понимая, отгоняли ее прочь, пускали на нее большую серую собаку. Мать боялась собаки, уходила, а на следующее утро опять приходила к воротам, опять просила. Однажды, стоя возле проволки, она увидела на большом дворе лагеря несколько военнопленных. Они тащили перед собой тачку, наполненную мусором. Все они были оборванные, худые и еле держались на ногах. Увидя за проволкой женщину, они подошли ближе.

— Мамаша, бросьте кусок хлеба! Бросьте, если имеете! Мы очень голодны...

Она открыла сумку, чтобы взять сухарей и бросить через проволку, но в это время подбежал высокий солдат. Он толкнул старушку в бок. Сухари рассыпались по дороге. В эту минуту один из военнопленных бросился к воротам и громко закричал:

— Мама, мама!.. Это моя мать!.. Мамаша, не узнаешь меня? Я — Николай... Мама!..

В отчаянии он прибежал к воротам. Там стояли

два вооруженных охранника. Один из них направил на военнопленного автомат, а потом носком сапога со всей силой ударил его в живот. Военнопленный упал на землю, но в эту самую минуту, собрав свои последние силы, он встал, выпрямился и бросился к воротам:

— Пусти! Это моя мать!.. Пусти!..

Охранник был неумолим. Он сильным ударом автомата свалил Николая с ног, прижал его к земле и бил своими большими сапогами. Бил в бок, бил в голову, ходил по нем, как по земле.

Военнопленный еще раз пробовал встать, напрягал все свои силы, но охранник спокойно вынул револьвер. Раздался выстрел. Николай поднял голову, взмахнул руками, а потом успокоился... Успокоился навсегда.

Мать, стоя за проволокой, видела эту картину. Как только выстрел покатился по широкому двору, она бессознательно упала на траву и уже ничего не помнила, что было дальше. Она пришла в себя в чужом доме. Вокруг нее суетились незнакомые люди. Сначала она ничего не помнила, чувствовала себя как во сне. Поняв свое положение, она металась в постели, звала сына, называла какие-то другие имена. Потом опять впадала в забытье, лежала спокойно, только временами тяжело дышала.

Через неделю мать выздоровела. Она сразу пошла за город к лагерю, но там уже ничего не было. Длинные деревянные бараки были пусты, без окон и без дверей, а большие железные ворота были широко открыты. Проходивший старик сказал ей, что несколько дней тому назад военнопленных куда-то перевезли и никто не знает куда. С печалью в голосе старик добавил, что уже не было кого перевозить. Большинство военнопленных умерло с голоду. Он показал старушке на лощине свежую насыпь. "Это общая могила несчастных", — добавил он с дрожью в голосе.

Несколько дней бедная мать ходила жалкой тенью вокруг разоренного лагеря, собирала полевые цветы, клала их на могилу, молилась и плакала. Потом пришли из города люди. Разобрали деревянные бараки, снесли проволочное заграждение, а место, на котором находился лагерь, вспахали и заборонили. Мать-старушка

еще долго блуждала по ровному полю, словно птичка над разоренным гнездом, и, разбитая горем, решила возвратиться в Черкасы.

Мы просили ее остаться у нас. Теперь ей некуда было спешить и не к кому возвращаться. Она согласилась. Вместе с нашей матерью она ходила на поле полоть лен, сгребать сено. Она чувствовала к себе нашу любовь, но тоска к родным Черкасам не давала ей покоя. Она часто плакала, горевала, ходила по саду, смотрела вдаль синего неба и, казалось, душой куда-то летала. Ходила с нами на евангельские собрания, где впервые услышала благую весть о Христе. Потом отдала свое сердце Господу, приняла Его, как своего личного Спасителя. Теперь молилась, чтобы Спаситель дал ей силы перенести выпавшее на ее долю горе. И Господь услышал ее молитву. Бедная мать нашла полный мир во Христе Иисусе.

Прошло теплое лето и настала скучная, дождливая осень. Деревья давно сбросили последние листья и теперь, выпрямившись, ожидали сурового декабря. Поля и луга, вымытые дождями, были свежи, нежны и скучны. Над ними целыми стаями кружились вороны и дикие утки.

Я поехал с Александром заканчивать осеннюю вспашку поля, а когда приехали домой, мать сказала, что старушка пошла на сенокос и не возвратилась. Солнце садилось за далекий лес. Гуси сами пришли с сенокоса домой, а старушки не было. Александр побежал на сенокос, а через короткое время возвратился. На его лице застыл испуг.

— Идите и посмотрите, она сидит под стогом сена и я думаю, что мертвая!

Мы побежали на луг. Там стоял одинокий побелевший стог сена, а под ним, прижавшись спиной к стогу, сидела старушка. Мать взяла ее за руку, посмотрела на нас и кивнула головой. Мы поняли: чужая мать была мертвая. Ее голова немного передвинулась на правое плечо, руки были сложены на коленях, а возле ног лежала маленькая фотокарточка ее сына Николая... На ней видны были следы вечерней росы или слезы матери. Мать последний раз смотрела на своего сына.

Возможно она ласкала эту маленькую карточку, целовала ее и тихо навеки уснула.

В воскресенье были похороны старушки. Таких похорон наше село еще никогда не видело. Все село пришло проводить ее в последний невозвратный путь.

На нашем кладбище выросла еще одна свежая могила. Старые липы и березы стряхивали на нее капли дождя и, казалось, плакали над ее могилой. Плакало небо, покрытое серыми тучами.

Весной я вынужден был бросить свое село. Недалеко за лесом были слышны фронтовые выстрелы. Я бежал через сельское кладбище и еще раз задержался над могилой чужой матери. Кто-то посадил на могиле небольшой куст сирени и положил букет живых цветов. Могила была обложена дёрном, засеяна травой. У изголовья могилы на кресте была прибита дощечка с короткой надписью: "МАТЬ".

Я вышел с кладбища и еще раз оглянулся на свое, тонувшее в зелени, село. Оно раскинулось вдоль серебристой речки, над которой расстилался серой пеленой прозрачный туман. Далеко за бугром белел наш домик, и мне казалось, что оттуда кто-то махнул мне платком... Из-за куста сирени быстрым зайцем выбежал теплый ветер, лаская мое лицо, как бы сочувствуя моему горю. На старой коренастой липе заворкотал голубь, потом послышался стук дятла и все это вместе провожало меня в далекий неизвестный путь.

ВЕРА

Каждый день, когда в институте кончались занятия, два молодых студента брали свои потертые книги, тетради и уходили в тенистый парк, в котором всегда пахло березой и скошеной травой. Там они отыскивали в укромном углу одинокую скамейку, садились в тени зеленых лип и прилежно учили свои уроки. Так было почти каждый день. Поглощенные уроками, они никого не замечали вокруг себя и ни на что не обращали внимания. Когда на городской башне часы громко отсчитывали девять часов вечера, студенты возвращались к себе домой.

Сегодня они тоже сидели на той самой скамейке только без книг, без тетрадей и без желания учиться. Часы на городской башне давно уже пробили девять, а два друга продолжали сидеть и беседовать между собою. Сегодня ровно в три часа дня закончились их занятия, и они последний раз пришли в парк на свою знакомую почерневшую от времени деревянную скамейку. Здесь было так уютно и хорошо, словно в комнате, уставленной цветами. От легкого дуновения ветерка трепетали листья молодых осин, щебетали птицы. На верху, в ветвях старой липы, словно сапожник молотком, стучал дятел.

Студенты тихо разговаривали между собой, невольно вслушиваясь в песню природы, а на сердце у них было тяжело и тоскливо. Завтра они разойдутся каждый в свою сторону. Вчера на прощальном собрании директор сказал, что для страны пришло тяжелое испытание и всем студентам придется ехать на фронт. Студенты молчаливо выслушали своего профессора и смущенно разошлись по своим комнатам студенческого общежития. На их сердца и лица легла тоска и грусть. Сегодня почти все разъехались по своим домам, а Мефодий с Василием решили ехать завтра.

Над зеленым парком синим пологом ложилась летняя ночь. Высоко меж ветвями деревьев засияли яркие звезды, словно вытканные в лазури раскаленные угли. Мефодий взял руку Василия, положил на свое колено и, прижав ее ладонью, спокойно сказал:

— Ничего, друг, только верь и все будет хорошо. Увидишь. Хотя наши пути разойдутся, все может случиться в жизни, но главное — верь. Будем помнить друг друга в молитвах, будем во всем искать воли Божией, а остальное Бог усмотрит. Он знает, что нам послать, как защитить Своих детей, если это нужно.

— Да, я знаю, Мефодий, но все равно как-то тяжело на сердце. Тяжело оттого, что мы знаем, что все люди на земле братья, что у нас нет врагов, что все люди равны перед Богом, а нам говорят бей врага. Война приносит смерть, разрушения, слезы, а как было бы хорошо, если бы люди поняли это и стали жить между собой, как братья, как друзья...

На башне пробило одиннадцать. Василий поднялся и, немного волнуясь, сказал:

— Знаешь, Мефодий, мне пришла такая мысль: давай сделаем сегодня между собою такой договор, что если после окончания войны вернемся домой живыми, то встретимся опять здесь, на этой же скамейке. Никто не знает, чем кончится война, может быть, будут разорены наши города, села, но первая наша встреча пусть будет здесь. Ты знаешь, сколько мы провели на этой скамейке приятных минут, сколько родилось здесь хороших идей. Пусть и первая наша встреча после войны будет здесь, на этой скамейке.

— Хорошо, — согласился Мефодий, — но нельзя назначить такой день свидания.

— Почему нельзя? Это очень просто и легко. Вот, послушай. Как долго будет война — никто не знает, а конец ее все же когда-то будет. Год спустя по окончании войны мы придем сюда. Придем в тот же день, пятого июля, в девять часов вечера. Если придешь ты раньше, ожидай меня, если я приду раньше, буду тебя ожидать. Дня пятого июля неизвестного года. Согласен?..

Было уже за полночь, когда они, наконец, встали,

чтобы еще раз помолиться вместе, проститься и разойтись. В глазах их стояли слезы, но их не было видно в темноте ночи. Наконец, они простились. Василий еще раз возвратился в школу, а Мефодий отправился прямо на вокзал. Длинный поезд стоял на первой линии. Людей на вокзале почти не было. Мефодий отыскал в вагоне свободное место и примостился у самого окна. Немного спустя пришел какой-то незнакомец и сел возле него. Раздался свисток и поезд тронулся, заскрипев тяжелыми колесами. За окном слегка задрожали ночные фонари и медленно поплыли назад. Мефодий вынул книгу и положил у себя на коленях. Потом еще раз взглянул в окно и задумался. Много раз он ехал по этой железной дороге, но никогда у него не было такого душевного состояния прежде, как теперь. Война...

— Извините, молодой человек, — прервал его размышления незнакомец, — что это у вас за книга?

— Евангелие, — спокойно ответил Мефодий.

Тот посмотрел на него и ничего не сказал. Ехали некоторое время молча. Пришел кондуктор, проверил билеты и вышел. За стеной соседнего купэ послышался звон гитары и кто-то запел. Поезд мчался в темноту ночи, мерно постукивая колесами на стыках рельс.

— И вы в самом деле верите в Евангелие? — спросил незнакомец.

— Да, верю, — спокойно ответил Мефодий. — Верю, потому что эта книга дала мне жизнь. Когда-то я не верил, но это было такое время, когда я искал себе не жизнь, а смерть. Тогда я хотел избавиться от жизни самоубийством, но после, читая эту книгу, я убедился, что есть для чего жить на свете, что сама жизнь хороша, только люди своими делами исковеркали ее, сделали ее тяжелой и невиносимой. И если эта книга спасла мне мою жизнь, дала мне веру, то как же я могу не верить в нее?

Незнакомец улыбнулся, вынул из кармана очки, протер их полою пиджака и подсел ближе к Мефодию.

— Все это, молодой человек, что вы сказали, глупости, извините за откровенность. Евангелие — старая и отжившая свой век книга. Это сборник легенд древ-

ности и я, правду говоря, очень удивляюсь, что вы в наш век, век культуры и цивилизации еще верите в то, что не выдерживает малейшей критики. Вот, например, когда вы верите в Евангелие, то вы должны верить и в Бога, и в душу, и в загробную жизнь. А я вот уже шестнадцать лет работаю, как доктор-хирург и за это время я много делал операций, видел тысячи умирающих людей, был во многих госпиталях, но души в человеке не видел никогда. Человек умирает и на этом все кончается. Религия, не забудьте, нужна для неграмотных людей, она подходила для средневековья, но для нашего времени, для нашего периода она не нужна... Через несколько дней я еду ближе к фронту, как доктор, и наверное там придется спасать не одну жизнь от смерти. Но я глубоко уверен, что души не найду ни в одном умирающем солдате. Да, молодой человек, бросьте эти сказки...

Мефодий со вниманием слушал незнакомца, но слова его не произвели на него никакого впечатления. С подобными людьми он встречался много раз, а потому все это не было для него новым. Его вера была тверда и непоколебима, как скала.

— Это ваше личное мнение, уважаемый доктор, — ответил Мефодий, — а также мнение всех атеистов. Что же касается меня, то я знаю Евангелие не в пустой теории, а с практической, жизненной стороны. Я пережил его лично, воспринял его всем моим существом, и, если бы я сегодня потерял веру в Евангелие, сделался бы таким, как вы атеистом, тогда я не имел бы никакой цели в жизни. Тогда ни за что не хотел бы существовать в этом культурном мире. Вы полагаетесь на современную цивилизацию, а посмотрите хорошо на нее и вы убедитесь, что в наш век нет настоящей цивилизации. В прошлые времена, когда не было такой цивилизации и культуры, людям жилось гораздо лучше. Между народами было больше согласия, не проливалось столько крови. Что касается души, то если бы вы оперировали меня, то моей души тоже не нашли бы, а между тем она вот говорит с вами. Вы не нашли бы у меня также знания испанского языка, знания музыки, не нашли бы любви к моей матери, не на-

шли бы ненависти к войне, не увидели бы в моем теле веры, какого-либо моего желания, способностей или неспособностей к науке, но это еще не значит, что всего этого у меня нет. Вы удивляетесь моей вере в Евангелие, а я удивляюсь, что вы не верите в то, чего не можете видеть вашими глазами, к чему не можете прикоснуться руками. На свете есть очень много вещей, которых мы не видим. Не правда ли?

Доктор хотел что-то возразить, но поезд вдруг задрожал и начал останавливаться. Послышались громкие голоса кондукторов.

— Воздушный налет!.. Вражеские самолеты!.. Все должны выходить...

Поезд остановился в густом сосновом лесу. Люди выскакивали из вагонов и старались укрыться где как могли. Высоко в небе слышен был зловещий рокот неприятельских самолетов, взрывы бомб потрясли землю. Небо осветилось красным заревом пожаров, земля дрожала, словно кто-то долбил ее тяжелым молотом... Потом все стихло, гул самолетов медленно удалялся, а в лесу опять запахло зеленью, прохладой летней ночи. Поезд медленно двинулся дальше. Мефодий нашел свое место в поезде, сел опять у окна. Незнакомец не вернулся и начатый разговор их остался неоконченным.

Дома Мефодий увиделся с семьей, но на другой день должен был собираться в новую дорогу. Он был приписан к санитарной группе и через несколько дней очутился на фронте. Вокруг него кипело сражение. Люди падали, как трава под косой умелого косаря. Умирали сыновья, умирали отцы, умирали все, кому было суждено умереть. Человеческая кровь лилась рекой и неумолимая смерть собирала свою обильную жатву. Она ходила по пятам Мефодия, но Господь был милостив к нему и сберег его жизнь. Несколько раз их санитарная часть была в окружении противника, несколько раз ей грозила неминуемая гибель, но каждый раз она благополучно пробивалась сквозь огонь и смерть, проходила болотами, зарослями и выходила невредимой. На его глазах умирали его друзья по службе, многих из них он собственными руками похоронил под зелеными соснами, сам зарывал свежие могилы, ставил наскоро

сколоченные кресты... Многим перед их смертью он свидетельствовал о Христе, со многими молился, собрал много адресов погибших воинов, чтобы потом сообщить об их смерти матерям и женам. Для многих он был последним утешением и последней помощью.

Проходили недели, месяцы, годы. Война продолжалась и казалось, что нет уже в мире такой силы, которая бы положила конец этому злодеянию. Казалось, что эта всемирная схватка будет продолжаться до тех пор, пока не уничтожится на земле все живое. Но 5-го мая 1945 года над всей землей пронесся радостный голос мира. Мефодий возвратился в свое родное село невредимым. Оно было наполовину сожжено, разрушено, много людей погибло, но оставшиеся в живых приводили в порядок развалины, пахали поля, сеяли новые хлеба. Своего отца Мефодий в живых не застал. Не возвратился с поля брани и старший брат. Мефодий видел, как радовались соседи, когда кто-нибудь возвращался домой живым. Он также видел и печаль своих односельчан, которые получали известия о гибели мужей и сыновей.. .Вместе со всеми он переживал и горе и радость.

Мефодий вспомнил своего друга Василия. Как только наладилась служба почты, написал ему письмо. Долго ждал ответа, но друг не отвечал. Когда же пришел день 5-го июля, он поехал в город, чтобы быть в условленном месте, в парке. Большой, когда-то красивый город, теперь лежал в развалинах. Стояли обожженные стены домов, на улицах чернели ямы.

Со станции Мефодий направился в парк. Прошел знакомой улицей возле разрушенной фабрики, миновал усеянную обломками площадь. В парке многие деревья были вырваны бомбами с корнями и так и до сих пор лежали неубранными. Ровные, когда-то посыпавшиеся желтым песком тропинки, теперь заросли травой, забросанные сухими прошлогодними листьями и мусором. Мефодий шел знакомой тропинкой, а мысли его, словно длинные нити тянулись, перенося его в давно прошедшее время. Все здесь было ему знакомое, близкое и родное. Здесь прошла его радостная юность, здесь он мечтал о многом, здесь познал Господа, как

своего личного Спасителя. Вот здесь, на этом месте, стояла когда-то старая почерневшая скамейка и здесь он впервые в своей жизни молился вместе с Василием. Скамейки не оказалось. Остались только столбики на зеленой траве, на которых она стояла. Здесь они с Василием обсуждали планы будущей жизни, разрешали свои личные проблемы. И все это теперь пошло в забвение, миновало и скрылось далеко, как осенние перелетные птицы.

Мефодий подошел к дереву и задумался. Мысли, словно стаи ворон прилетали и улетали. В парке было тихо. Ветер шелестел листьями и разговаривал с кустами. Мефодий посмотрел на часы. Приближался девятый час, а на тропинке, ведущей к скамейке, никого не было. Он стоял низко опустив голову и ожидал. Сердце подсказывало, что Василий должен прийти. До девяти осталось только несколько минут. Вот еще несколько минут. Если Василий не придет — значит он не вернулся с фронта. И никогда больше не придет... Вдруг на городской башне послышался знакомый бой часов: один, два, три, четыре... семь... девять... Мефодий считал удары часов и чувствовал, как девять раз громко застучало его сердце. Чувствовал, словно чья-то невидимая рука тяжелым молотом считала судьбу его близкого друга. Нет... Уже направился к выходу, но какое то предчувствие удерживало его ноги. Он стал под липой, не решаясь оставить парка.

На противоположной тропинке показался какой-то незнакомый человек. Он опирался на деревянный костыль и тревожно посматривал вокруг, словно искал что-то потерянное. Сердце Мефодия тревожно забилось в груди. Неужели это он, Василий, — подумал Мефодий, и быстро направился навстречу незнакомцу. И когда калека подошел ближе, Мефодий убедился, что это был не Василий. Тот был ниже ростом и за несколько лет не мог так сильно измениться. Этот был значительно старше его друга.

Мефодий обошел кусты и присел на траву. Он видел как незнакомый калека, обойдя пустое место, где раньше был бассейн с водой, миновал старые липы и опять шел той самой тропинкой в обратном направле-

нии. Мефодий теперь был убежден, что незнакомец чего-то ищет. Он робко пошел к нему навстречу и спросил:

— Извините, вы кого-нибудь ищете?

— А вы кого-нибудь сегодня ожидаете? — вместо ответа спросил калека.

— Да, я ожидаю своего друга. Сегодня мы должны были с ним здесь встретиться, — ответил Мефодий и пристально посмотрел на незнакомца.

— Если так, то вместо вашего друга пришел я, — ответил калека, придерживаясь одной рукой дерева, а другой — костыля.

Мефодий поддержал его под руку.

— Присядьте, пожалуйста, присядьте вот здесь, на траву, — сказал он незнакомцу. — Вы знали Василия?..

Калека тяжело вздохнул и опустился на землю. Он положил возле себя костыль и вытер рукавом вспотевшее лицо. Пристально вглядываясь в глаза Мефодия, он спокойно заговорил:

— Да, вашего друга Василия я знал. Он прислал меня сюда сказать вам, чтобы вы его не ждали. Он больше никогда сюда не придет и просил меня сказать вам, что он будет ожидать вас на небесах. Он просил сказать вам, чтобы вы шли тем же путем, и тогда вы, наверное, встретитесь.

Мефодий ничего не мог вымолвить. Он чувствовал, как сердце его сжимали железные цепи, а под ногами зашаталась земля, закружились деревья. Он склонился на траву возле калеки и закрыл лицо руками. Калека взял его за плечо.

— Брат, не плачь! — сказал он. — Так нельзя. Василий просил, чтобы ты не грустил и не плакал о нем. Он у Господа. Он умер с радостью и не жалел об этом. И зачем плакать?.. Не плачь, брат! Через смерть вашего друга Василия я познал Христа. Я всю жизнь свою был безбожником, хулителем и гордился этим. На моих глазах умирали сотни людей, а такой смерти, какой умирал Василий, я не видел. Перед смертью он пел, молился, а потом тихо уснул. Уснул на моих руках. Перед тем вздохнул и улыбнулся... Еще успел мне сказать, чтобы я 5 июля пришел сюда и по-

этому я чувствую себя счастливым, что смог исполнить его просьбу. Не плачь, брат, а благодари Бога за все. Такова Его воля...

Мефодий успокоился. Вытер заплаканные глаза и крепко пожал руку калеки. Потом помог калеке подняться, подал ему костыль и они вместе отошли на недалекую деревянную скамейку. Уселись там под тенью лип и Мефодий просил рассказать ему все подробно, как был ранен Василий, как он умирал, где находится его могила. Калека рассказывал не торопясь и каждое слово о Василии произносил с особой нежностью.

День склонялся к вечеру. Между деревьями парка бродила летняя прохлада. Новые друзья встали и направились к разрушенным большим воротам парка.

— А я до последнего дня сопротивлялся Богу, — продолжал калека. — Надеялся на мое звание, на образование, а потом я убедился, что образование и дипломы ничто в сравнении с той верой, которую имел Василий. Что в мире может дать такую бодрость и радость в день смерти? Вера!.. И такую веру я впервые увидел у твоего друга. А помню, когда я перед самым выездом на фронт беседовал в поезде с одним юношей о Евангелии. Когда налетели аэропланы, наш поезд остановился в лесу, мы выбежали из вагонов и разбрелись по кустам, моя душа дрожал тогда перед смертью. А Василий смерти не боялся. Он с улыбкой на устах мог умереть. Это вера. Большая вера.

— Обождите, обождите, — прервал его Мефодий. — Я припоминаю! Я где-то видел вас!.. Не могу припомнить, где? Да, да... Я встречал вас в поезде... Вы — доктор... Помните, вы тогда утверждали, что человек не имеет души, что Евангелие — сборник легенд и сказок. Помните? Потом был налет и после этого мы с Вами уже не встречались. Дивны Божьи пути...

Доктор остановился, опираясь на костыль. Он посмотрел с улыбкой на Мефодия и подал ему руку. Словно два родных брата после долгой разлуки, они обнялись и расцеловались.

Они выходили из парка в полночь, а небо улыбалось им яркими звездами. Над городом, прячась в тучи, плавала луна.

ОСЕНЬЮ

Стояли последние дни октября. Моросил холодный мелкий дождик. Сердито тряс ветер старыми липами и срывал пожелтевшие листья. Мрачное осеннее небо плакало... В центре села, возле старого пожарного сарая, стояла маленькая закопченная, с оборванной крышей, кузница Петра. Дверь была открыта. Петр большим молотом ковал подкову. В полусумраке кузницы искры яркими каскадами брызгали на стены и на пол. Лицо Петра было покрыто крупными каплями пота, черные волосы то и дело спадали ему на глаза, но быстрым движением головы он опять водворял их на место и неустанно поднимал и опускал свой большой молот. Старший сын Петра раздувал мехом угли.

В кузницу вошел Фадей.

— Здравствуй, кум! — пересовывая старую солдатскую фуражку с одной стороны головы на другую, приветствовал кузнеца Фадей.

— Здорово, кум, — ответил Петр, не прерывая работы. — Просим, просим ближе к печке.

Фадей присел возле печки и протянул руку к огню.

— Холодный сегодня ветер... Осень... Хотя бы успеть картошку убрать.

Петр выбросил готовую подкову за порог.

— Иван, — обратился он к сыну, — сходи-ка в лавку и принеси гвоздей: там уже заплачено.

Иван вышел.

— Знаешь, Петр, — обратился к нему Фадей. — Я пришел сказать, что позорно для тебя не смотреть за своими детьми.

— В чем дело? — испуганно спросил Петр и его рука с молотом неподвижно повисла.

— Как будто бы и не знаешь?!. То-то я слышал, что и ты сам это одобряешь. Позор для тебя, и для всех нас... До тех пор, ведь сам знаешь, с нами люди

считаются и нас уважают. Слышал я, что батюшка даже метил тебя в церковные старосты... И откуда у тебя все это завелось?..

Широко раскрытыми от удивления глазами смотрел Петр на Фадея.

— Ничего не понимаю!.. — невольно вырвались слова.

— Не понимаешь?!. — иронически вскрикнул Фадей. — Так ты не знаешь, что твой Иван записался в штунды?

Петр схватился за голову.

— Что?!. Мой Иван записался в чужую веру? Как?.. Когда?..

Он покраснел и стал быстро шагать по кузнице. Шагал так, будто бы сейчас нужно окончить всю работу, а у него совсем нет времени.

— Успокойся, кум, — говорил уже примиренно Фадей. — Не надо быть таким горячим. Может быть, все еще можно сделать. Быть может, он еще не записался по настоящему, но моя Катя говорила, что вчера вечером видела его, как он входил к Федору, на это их собрание. Ты, кум, лучше вначале легонько его распроси; скажи, что это не хорошо, что это грех, а уж, если не послушает, тогда что иное. Я бы, конечно, никогда не позволил, чтобы в моем доме завелась эта ересь: это хуже, чем болезнь.

— Мой Иван — штунда, вероотступник!.. Никогда, никогда этого быть не может! Не допущу! Никогда не допущу! Убью лучше...

И Петр, как раненый зверь, метался по кузнице. Кулаки его судорожно сжимались, а лицо наливалось кровью.

— О! О, он еще у меня узнает! Он узнает!..

На улице показался Иван. Фадей, сочувственно вздохнув, поднялся с ящика и направился к дверям. Возле самого порога тихо сказал:

— Слушай, Петр, будь осторожным... Я пришел, потому что на деревне говорят. Говорят ведь и про тебя. Не верю я — знаю и вижу, что клевета все это... Так и про Ивана, быть может...

И не докончив, Фадей исчез за углом улицы, подняв высоко воротник своего старого кожуха.

В кузнице снова застучал молот громко и отрывисто. Дул сердитый ветер, стучал по крыше мелкий дождь, а искры зловещим огнем разбрасывались по грязному полу.

Петр кинул молот и сел на пороге отдохнуть. Тяжело и тоскливо было у него на сердце.

— Папа, — заговорил Иван, — я гвоздей не принес. Лавочник говорит, что вы вчера ему за водку не заплатили полтора злотых. Давай деньги, говорит, тогда и гвозди получишь.

Петр молчал.

— Эх, папа, папа! Кинули бы вы лучше эту проклятую водку... И здоровью вредит и грех это...

Петр медленно встал. Лицо его побледнело, взгляд, устремленный на Ивана, был зловеще неподвижен.

— Грех, говоришь, — прошипел он. — А откуда ты, щенок, знаешь, что это грех?

И медленно приближаясь к Ивану, спросил:

— А скажи мне лучше, где ты вчера вечером был?

Лицо Ивана вспыхнуло, и взгляд опустился к земле.

— Зашел только к Федору... Хорошо там поют: хотел послушать. Ничего там дурного нет — поют хорошо и Бога прославляют.

И взяв шапку, он направился к двери.

— Нет, ты не пойдешь, — злобно крикнул Петр, и схватив сына за шиворот, со всей силой отбросил в угол кузницы.

— Ты меня еще не знаешь! Теперь узнаешь, проклятый... Записаться в антихристову книгу!.. Собрания!.. Я тебе покажу собрания...

Петр от негодования дышал, как кузнечный мех.

— Говори, пойдешь еще к Федору? Я тебе глаза выцарапаю, калекой кормить буду... Но видеть тебя штундой... Никогда!..

Схватив толстый кусок железа, Петр стал перед сыном. Иван, бледный, перепуганный, дрожал, как пойманный голубь, прижавшись к стене.

— Говори... — звучало грозно и неотступно.

— Но, папа, как я могу...

— Так пойдешь!.. — заревел Петр, и его тяжелый кулак опустился на грудь сына.

— Ой, папа, за что?

—За что? Я тебе покажу, за что. — Разъяренный отец бросился на сына.

— Я тебе покажу, как ходить к штундам... Я и Федору покажу.

Но в этот миг чья-то чужая рука удержала поднятую беспощадную руку Петра. С удивлением и негодованием он оглянулся. Перед ним стоял сосед Степаныч.

— Что с вами, Петр?—спросил удивленный сосед.— Что такое случилось? Зачем эта драка?

— Ах, ты не знаешь... Мой проклятый щенок перешел в штунды... Слышишь, сосед, не выдержит этого мое сердце, — и Петр своим мускулистым кулаком ударил себя в грудь. — Болит и кипит тут... Ах, ты не знаешь!..

— Знаю уже: по деревне говорят, — сказал, тяжело вздохнув, Степаныч и вышел из кузницы.

За ним согнувшись, бледный и грустный, вышел Иван, а Петр, тяжело опустившись на опрокинутый ящик, устремил свой неподвижный, тяжелый взгляд на груду уже потухших углей.

Было тихо... Только густые капли осеннего дождя, стекая с крыши, плескались за порогом, да осенний ветер напевал свои тоскливые мелодии.

Была поздняя осень...

**
*

В воскресенье октябрьское, холодное солнце золотило соломенные крыши деревенских хат. В бледно-голубом пространстве небес неслось несколько серых и тяжелых осенних туч и длинной дугой пролетели на юг птицы.

По широкой улице села шло несколько подвыпивших мужчин. В числе их был и кузнец Петр. С шутками и пьяным криком они скрылись в дверях сельской корчмы.

В корчме было жарко. Несколько выпитых бутылок валялось на полу. Хозяин с тоскливым видом сидел за прилавком и рассеянно слушал долетавшие к

нему пьяные разговоры. Он чувствовал себя так, как чувствует себя нормальный человек среди сумасшедших, готовых каждую минуту кинуться на него или учинить какую-либо удивительную шутку. Только на короткий миг он немного оживился и, насмешливо смотря на Петра, спросил его:

— Что, это правда, Петр, что сын твой Иван в штунды перешел?

— Ах, какое там перешел!.. Никогда не допущу до этого...

— Э, что ты сможешь сделать? — дразнил Петра какой-то пьяный голос.

Петр разошелся. Он покраснел, стучал громко кулаками о стол и бессвязно выкрикивал гневные слова.

— Не допущу!.. Разгоню все их проклятое сборище!.. Вот посмотришь!..

В пьяных разговорах время проходило быстро. Когда Петр поднялся со скамьи и на нетвердых ногах вышел за двери, над всем селом уже царил сумрак позднего осеннего вечера. В маленьких окнах изб едва заметно мерцали огни. Из далеких пустых полей доносился жалобный голос одинокого зайца, и ему в тон таким же жалобным воем откликалась сова со старых дуплистых лип сельского кладбища.

Петр покачиваясь, неуверенно пробирался в глубь сада, где из окон небольшого опрятного домика ярко светил свет. Под ногами Петра шелестели сухие, опавшие листья.

— Ага, как раз попал, — шептал Петр. — Собрание у них... Увидят, что значит Петр-Коваль.

Миновав сад, он смело вошел во двор и приблизился к одному из окон. Он увидел сидевших вокруг стола людей и среди них своего сына Ивана...

Все закрутилось в глазах Петра, и больно сжала сердце отчаянная ненависть. Он почувствовал под ногами небольшой камень и нагнулся, чтобы поднять его.

— Вот постойте, оглушу одного из вас, — бормотал злобно Петр, приготовляясь со всей силой бросить камень в яркий свет окна, как вдруг где-то в тени сарая громко залаяла собака и зазвенела цепью.

Петр инстинктивно попятился назад, чтобы уйти из-под лунного света в тень забора. Дверь избы отворилась, и на крыльце показалась тень Федора, хозяина дома.

— Ах, это ты, проклятый штунда!.. Сманщик моего сына!.. — подумал с острой ненавистью Петр и уже не помнил, как машинально поднялась его мускулистая рука, и тяжелый камень полетел по направлению Федора...

Собака бешено залилась лаем, яростно метаясь на цепи.

Петр одним скачком перемахнул через забор в сад и пустился бежать. Сердце его громко стучало, млели пьяные ноги. Он бежал, не решаясь оглянуться. Луна спряталась за осеннюю тучу. Стало темно. Петр невольно остановился. Далеко на селе неистово лаяла собака.

И вдруг темный, неумолимый страх проник в душу Петра:

— Что там? — неспокойно думал он и решительно повернул в сторону знакомой улицы. В темноте он осторожно миновал старый пожарный сарай и, добравшись до своей кузницы, поспешно захлопнул за собою ее дверь и тяжело опустился на ящик.

Сквозь щель во мрак кузницы длинным серебристым лучом проникал свет выползшей из-за туч луны...

. . . . . .

На следующее утро Петр собирался на ярмарку. Иван вынес мешок пшеницы и бросил его на воз. Лицо его было бледно и печально.

— Папа, — обратился он к отцу, — я думаю, что пора купить для меня сапоги: ведь уже осень, холод...

— Хорошо, — лаконически ответил Петр, не смотря на сына.

— Возьмите еще пару колес, — добавил Иван, и они оба вошли в кузницу.

Иван выкатил новое колесо за дверь.

— Папа, — сказал твердо Иван, — я хотел вас спросить — где вы были вчера вечером?

Петр до чрезвычайности смутился. Хотел что-то ответить, но не смог.

— Федор вчера умер: ваш камень угодил его в висок... Не дрожите так, папа, и успокойтесь... Ваше преступление видел только Бог да Федор... В помрачении вашего ума вы забыли про свет луны, при котором Федор мог вас узнать... И он узнал вас, — я знаю, хотя и не назвал вашего имени. Последним его словом было:

— Скажите ему, что я прощаю его...

Петр неподвижно, как вкопанный, стоял на месте.

— После него остались малые дети-сироты и жена, — начал было снова Иван, но продолжать не мог, ибо рыдание больно сжало его грудь. Закрыв глаза рукой, он скрылся в углу кузницы...

Прошло несколько дней. Мелкий осенний дождь моросил без перерыва... Как будто на огромном ткацком станке, пряла осень свою серую, скучную пряжу.

В углу кладбища стояла свежая могила...

Петр с обнаженной головой, держа мокрую шапку в руках, приблизился к ней. Опустившись на колени, он припал головой к мокрой, свежей насыпи:

— Федор!.. брат Федор, прости!.. Я убийца! — воскликнул. — Невинно умер... Сироты...

По исхудалому, бледному лицу Петра катились также неудержимо слезы, как падали капли осеннего дождя...

Петр встал.

— Прощай, Феодор! — сказал он твердо и решительно вышел из кладбища.

Через несколько минут двери сельского коменданта затворились за Петром.

... Между хатами монотонно плакал осенний ветер... Серые, тяжелые, пожелтевшие листья от усталости трепетали на мокрой земле...

Осень, глубокая осень ткала свою серую, скучную пряжу...

БОГ ЕСТЬ!

Была ранняя весна 1946-го года. Наш лагерь лежал между высокими зеленеющими горами Вестфалии. Земля благоухала приятным запахом весны, а по ясному, голубому небу плыли редкие белые облака. Был какой-то праздник. Солнце щедро расточало по горам и полям свои лучи. В такой день не было желания сидеть в темных бараках, а потому мы, небольшая группа верующих, вышли за ограду лагеря и присели на сухих листьях под густыми деревьями. В кустах весело щебетали птички. Пчелы перелетали с одного цветка на другой, собирая свою добычу.

Мы сидели, любовались прекрасною, теплою весною и рассказывали друг другу свои особенные приключения за минувшие годы войны. Брат Николай сидел молча, а когда все мы кончили свои рассказы, он спокойно начал:

— Теперь я тоже расскажу вам один интересный случай, какой произошел со мною несколько лет тому назад. Это было на Волыни, в конце мая 1942-го года. Я тогда был в одном селе на собрании, которое мы недавно открыли и проповедывали людям Евангелие. Собрание в тот вечер было очень благословенное, людей было много. После собрания мне нужно было возвращаться домой и проходить густым березовым лесом. Была поздняя ночь. Луна подняла высоко, было светло, почти как днем. Я вошел в лес. Кругом меня царила мертвая тишина, только где-то далеко раздавался одинокий голос совы. Пройдя несколько шагов, я вдруг увидел, как из-за кустов вышли два незнакомых человека и стали передо мной на дороге. Я ужаснулся, но другого пути не было, — нужно было идти к ним. Когда я подошел ближе, один из них выхватил револьвер и крикнул: "Руки вверх!" Я поднял руки, а они на-

чали шарить по моим карманам. Из одного кармана они вытащили Библию, из другого — песенник. Они бросили их на землю и продолжали искать по карманам, повидимому, надеясь там найти деньги.

— Где ты был? — спросил один из них; и я почувствовал, как от него понесло запахом водки.

— Был на собрании, а теперь иду домой.

— А, ты евангелист? — сказал он и с ног до головы окинул меня своим злобным взглядом. Мне стало жутко и страшно. Ночь, лес и нигде никакой помощи.

— Как по твоему, есть Бог, или Его нет? — бросили мне вызывающий вопрос.

— Да, есть! — ответил я.

Оба незнакомца громко рассмеялись, так что эхо покатилось далеко по лесу. От их смеха мне еще более стало жутко на душе. Я начал было говорить им, что напрасно они смеются, что Бог существует и Он в свое время будет судить людей за их злодеяния. Тогда один из них схватил меня за руку и крикнул:

— Вот мы сейчас убедимся, есть ли твой Бог, или Его нет. Сейчас... Если Он есть, то пусть спасет тебя от наших рук. Пусть попробует... Ха, ха, ха! Твой Бог!..

При этих словах он толкнул меня под куст и вытащил из-за пояса револьвер.

— Стой там! — крикнул он и стал прицеливаться в мою сторону. Видя смерть перед собой, я начал громко молиться: "Боже, если Тебе угодно, то спаси меня от этой смерти! Боже!.." Выстрел прервал мои слова и я упал на землю. Что дальше было со мной, я не знаю. Когда я потом пришел в сознание и открыл глаза, то увидел, что лежу на земле, а вокруг меня полная тишина. Начало рассветать. Я попробовал встать, но почувствовал в левом боку сильную боль, не мог подняться. Одежда у меня вся была залита кровью, руки и лицо были в крови. Я насилу подполз к ближайшему кусту и начал облизывать листья, покрытые холодной росой. От этого мне стало легче. Тогда я собрался с силами и начал ползти на дорогу, находившуюся от меня в нескольких шагах. При каждом движении кровь те-

кла у меня из носа и рта. Я почувствовал, что силы меня покидают. Где-то далеко на дороге, слышался грохот телеги. Я приподнялся на руки и хотел крикнуть, но вместо этого у меня снова хлынула кровь изо рта, и я упал на траву. Потом я, как бы сквозь сон слышал какие-то голоса, будто меня кто-то брал за руку, за голову, клал на твердую телегу... Дальше я уже ничего не помнил. Темная ночь забытья покрыла мое сознание.

Я очнулся в больнице. Два врача стояли возле меня и перевязывали левую руку, из которой незадолго до того вынули две пули.

Николай засучил рукава и показал большой шрам, оставшийся после операции. Мы с интересом слушали его рассказ, а он продолжал:

— Из бока тоже вытащили одну пулю. Видно, эти два безбожника считали, что хватит с меня трех пуль. Но Господу было угодно меня спасти, чтобы показать им, что Он — наш добрый Бог. Он тогда совершил со мною настоящее чудо.

Со временем мои силы вернулись. Я вышел из больницы и возвратился домой. Верующие, непрестанно молившиеся за меня, теперь благодарили Бога за то, что Он услышал их молитвы.

Прошло некоторое время. Однажды ночью в соседнем селе люди поймали незнакомого молодого человека. Его заподозрили в грабеже, который произошел в недалеком от села хуторе. Молодой человек отрицал все обвинения, но ему не верили. Его держали в селе и мучили. В то время в наших селах не было никакой твердой власти, до уездного города было далеко. Если кого ловили в краже, того народ сам судил и наказывал. Такие самосуды были ужасны. Вот, и меня позвали в то село, чтобы я опознал этого человека, предполагая, что это может быть один из тех, которые меня расстреливали. Я зашел в дом старосты, а через несколько минут привели молодого человека. Он перешагнул порог, бросил на меня короткий взгляд и сразу побледнел, как полотно. Он меня узнал, да и я узнал его. Это был тот самый человек, который совсем недавно в лесу громко смеялся над Богом и стре-

лял в меня. Он сел на скамейку и мрачно глядел перед собой на стену. Обросший небритой бородой, худой и печальный, он молчал. На его лице были видны следы недавних побоев. Увидевши его, мне вспомнился лес, темная ночь, а также то, как Господь спас меня. До глубины души мне стало жаль этого бедного молодого человека. В душе моей разыгралась борьба. Мне не хотелось выдать его на верную смерть, а его жизнь теперь зависела от того, что я скажу. Все присутствовавшие люди с любопытством смотрели на меня, желая знать, признаю ли его, или нет. Я помолчал минуту и потом сказал старосте и людям, толпившимся у дверей:

— Нет, я не могу сказать, что это именно тот человек... Тогда была ночь, а в таких случаях, вы сами знаете, не очень присмотришься к лицу... Скорее, что это не он... Тот был выше. Меня тогда Господь спас, и если бы я даже узнал тех людей, то я бы им простил, потому что Христос нам все прощает...

Я закончил и взглянул на молодого человека, который сидел на скамейке как застывший. Наши глаза встретились, и я заметил, как лицо его передернулось, как бы от сильной боли, а в глазах показались слезы. Мне сказали, что я могу идти домой. И я ушел. Потом я узнал, что молодого человека отпустили.

Снова прошло некоторое время. Однажды я косил траву и, дойдя до межи, сел, чтобы отдохнуть. Смотрю, идет полем какой-то незнакомый человек. Когда он уже был близко я в нем узнал того самого человека, с которым я имел ту страшную встречу в лесу. Сердце мое тревожно забилось. Я встал, взял косу и начал снова косить. А он подойдя, сказал: "Доброе утро!" Потом снял свою шапку, бросил ее на траву и начал дрожащим голосом говорить:

— Я пришел к вам просить, чтобы вы мне простили мою великую вину. Я когда-то хотел отнять у вас жизнь. Какая-то темная сила меня толкала на это ужасное дело... Я тогда не верил в Бога, но теперь я верю, что Он есть, потому что это Он чудом вас спас... Я верю... но не знаю, простит ли Он мне мою вину, потому что я— великий грешник. Я хочу вас просить,

чтобы вы молились за меня... Я не могу и не умею... Я уже давно не молился, потому что не верил в Бога...

Он еще хотел что-то сказать, но слезы не дали ему больше говорить. Закрывши лицо руками, он плакал, как малое дитя. Я успокаивал его, но мне самому стало как-то не по себе.

Потом мы стали на колени и молились там, на поле. Вокруг нас пели жаворонки и перепелки. Когда мы встали с колен, я увидел, что лицо его сияло великой радостью. Он смотрел на меня глазами полными слез и долго не мог проговорит слова. Но мы теперь понимали друг друга без слов.

С этого дня он начал посещать наши собрания, а потом отдался Богу. Вот таковы пути Божьи. Он всякими способами ищет и спасает тех, кто гибнет вдали от Него.

Николай замолк, да и мы тоже молчали. Его рассказ произвел на нас глубокое впечатление. Где-то, в высоком небе пел жаворонок. Мы возвращались в лагерь. Кругом благоухала зелень и весна. Вся природа нам улыбалась, и все, что мы видели вокруг себя, как бы говорило, что Бог есть, что Он существует и что счастливы те люди, которые в Него веруют.

ЗАПИСАННЫЙ

Семен Лопушенко сегодня вернулся очень поздно с богослужения, которое в соседнем селе было совершено в первый раз. Он хотел было еще отвести коней на пастбище, но средний сын его, Юрко, успел это сделать раньше, и потому Семен остался дома. Он пообедал, взял рядно и Библию и вышел в сад под старую грушу. На дворе стоял тихий, теплый день. Солнце уже перекатилось за кудрявые тополя. С ветерком приходил запах недалекого скошенного луга.

Семен разостлал под деревом рядно, лег на спину и глядел сквозь ветви на ясное, голубое небо, простиравшееся над селом, над полем, и над всей землею. Какое все-таки небо удивительное! Плывут по нему белые, как снег, облака; там выше их — неведомые человеку пространства, а еще выше, высоко-высоко должны быть обители, о которых сказал Христос: "Иду приготовить место вам, чтоб и вы были там, где Я". Семен вздохнул от чувства удовлетворения. На душе было хорошо и легко. Вот, уже двадцать лет, как он избрал этот путь, ведущий к ясным небесам. На этом пути он много перенес, пережил и перетерпел, но он счастлив. Еще и теперь по селам несутся слухи, что Семен платит деньги тем, кто приходит на евангельские собрания, и что все, хоть раз побывавшие на этих собраниях, потом уже должны ходить, потому что их к этому принуждает какая-то невидимая злая сила. Поэтому некоторые люди боялись с ним встречаться, а другие вредили ему, как могли. Но Семен на это не обращал внимания. Он знал, что и Христа ненавидели, преследовали, а потому принимал все незаслуженные обиды с любовью. Он проповедывал Евангелие всем, а Господь обильно благословлял его искренний труд.

Семен так был погружен в эти думы, что не заметил, как возле ворот показался его односельчанин Ма-

ксим Подлесный. Приблизившись к груше, он несмелым голосом сказал:

— Добрый день, дядька!

— Дай Бог здоровья, — отозвался Семен. — Садись вот тут, Максим... Сегодня так приятно отдохнуть в тени. Прекрасная погода... Может быть соберется дождь. Хлеба ожидают влаги...

Максим присел на траву.

— Я, знаете, дядька, пришел к вам по одному делу, и даже как-то нехорошо мне вам говорить об этом...

— Говори, говори, Максим. Я, что смогу, помогу тебе или посоветую, — сказал Семен. — Раз пришел, то скажи...

— Да вот, как-то пришла мысль в голову, я посоветовался с женой, да и решил придти к вам. Знаете, беда пригнала... Изба, как знаете, не окончена, а тут вот и новая беда настигла. Позавчера погибла последняя корова, теперь нет даже молока для малюток-детей. Кругом беда во все дыры заглядывает... К кому пойти? Вот я и решил к вам... Я слыхал, что вы платите всем, кто приходит на ваши собрания, так и я тоже хотел бы записаться. Не знаю, правда ли это, но так говорят люди. Поэтому я тоже желаю перейти в вашу веру... Буду ходить каждое воскресенье на собрание, а потом и жена придет... Она пока стыдится. Беда, знаете, дяденька... Если б мне заплатили, я би записался... На целый год сразу... Мне нравится ваше пение, но до сих пор еще мне не пришлось придти на собрание, потому что, знаете, тесть у меня — церковный староста, не хочется обидеть... А иначе я бы уже ходил...

— Ладно, ладно, Максим, — перебил его Семен. — Сколько же ты хотел бы за это? За одного еще можно, а за двоих будет слишком много.

— Я пока буду приходить сам, а потом, когда люди немного успокоятся, тогда и жена могла бы приходить. А то, знаете, придти сразу обоим — заговорит все село, что мы уже записались. Приходить поодиночке, меньше будут толковать...

— Ладно! — решительно сказал Семен и встал на ноги.

Они оба прошли между молодыми деревьями до Семенова подворья и зашли в избу. Максим был первый раз у Семена в доме, но там все ему очень понравилось. На маленьком круглом столике стояли цветы, на стене висела большая картина изображающая гроздь винограда, а ниже были написаны слова: "Господь — моя сила и помощь". Понравились Максиму эти слова, потому что такой "иконы" он не видел никогда.

Тем временем Семен открыл сундук, достал денег и обратился к Максиму:

— А все-таки, сколько ты желаешь, чтобы тебе заплатить за первый раз?

Максим посмотрел на Семена и не знал что сказать. Помолчав минуту, он заговорил как-то нерешительно и робко:

— Что дадите, дяденька, то и будет. Я не знаю, по сколько вы платите... Пока только за меня, а потом и жена будет приходить...

— Вот, тут двадцать злотых. Возьми их и употреби на свои нужды, но помни, Максим, чтобы ты этих денег не пропил. Я знаю, что ты любитель до водки. Купи что-нибудь для детей... Пьяницы Царствия Божия не наследуют... Так написано в Библии... В следующее воскресенье приходи на собрание. Там ты услышишь добрые вести для себя. Господь и тебя любит, Максим...

Семен подал деньги, и они распрощались.

Снова Семен сидел под витвистой грушей, но мысли его непрестанно возвращались к Максиму. Он был очень беден и Семену было жаль этого молодого человека. Много раз он собирался пойти к нему, отнести что-нибудь для детей, но боялся, что пойдут кривотолки среди односельчан что он, мол, покупает людей, для своей веры. Теперь пришла возможность помочь бедному и Семен был рад и доволен.

В воскресенье Семен пришел к молитвенному дому, но там еще никого не было. Присевши возле окна, он глядел на широкий выгон, что стлался зеленым ковром до самых сенокосов. Вскоре стали приходить лю-

ди. Пропели гимн, а потом Семен открыл собрание. После молитвы он заметил, как Максим несмело зашел в дом, посмотрел кругом и сел на задней скамейке возле самого порога. Семен склонился на стул и уста его тихо шептали: "Господи, если Тебе угодно, спаси сегодня эту бедную душу. Запиши Ты его в Свою вечную книгу и там на небесах. Ты любишь и его..."

Снова раздалось пение, уносясь через открытое окно над выгоном, над селом и над зелеными сенокосами. После пения Семен читал Евангелие. Сегодня Господь положил ему на сердце читать о блудном сыне, который покинул своего отца и ушел в дальнюю сторону. Семен чувствовал, что сегодня он имеет особенную силу для проповеди. Чувствовал, что какая-то глубокая тишина наполнила его сердце, а слова льются, как вода из источника.

— Таких блудных сынов много и сегодня в нашем селе, — говорил Семен, — много их на нашей родине, во всем мире, а также в этом доме. Мы все такие блудные сыны перед Богом, потому что все отошли далеко от Него. А Он любит нас и ждет, чтобы мы вернулись к Нему. Нас ожидает отцовский дом. Отец стоит и смотрит, не возвратимся ли мы? Небесный наш Отец... Зовет... Ждет.. "Придите ко Мне все, —Он говорит, — Я дам покой душам вашим..." Кто сегодня готов придти к Нему?.. Придите теперь!..

Семен говорил, и ему казалось, что время уходит очень медленно, а когда он посмотрел на часы, то увидел, что сегодня он говорит больше, чем обыкновенно. Но все присутствовавшие слушали его с увлечением, и не было заметно ни малейшей усталости.

После собрания Семен поспешил к двери, желая приветствовать Максима и других посетителей. К сожалению, Максима уже не было. Как только собрание кончилось, он схватил свою фуражку и быстро вышел. Он хотел было идти домой через выгон, но подумал, что другие люди пойдут этим путем, перелез через прясло на другую тропинку, что шла над самой речкой. После всего того, что он видел и слышал на евангельском собрании, ему хотелось быть наедине. Хотелось продумать все основательно, чтобы никто не мешал.

Слова Семена произвели на него сильное впечатление. В своей жизни он ничего подобного не слыхал. Семен говорил просто, на родном языке, а поэтому каждое слово было ему понятным и глубоко западало на сердце. Теперь он увидел, что эти штундисты совсем не такие плохие люди, как он думал. Хоть, например, вот этот Семен. Человек зажиточный, но всегда готов помочь бедному. Побольше бы таких людей на свете...

Максим пришел домой, пробрался через сад в сарай, лег на сено и долго думал о том, что сегодня слышал. Хотел не думать, но не мог. Слышанное проходило в душе яркой картиной и зажигало сердце огнем беспокойства. Ласточки залетали через щели в стене, садились на перекладинах, щебетали и опять вылетали во двор. Пахло свежим сеном и лугами. Издали доносился какой-то отдаленный грохот. Из-за леса надвигалась черная туча. Ожидался дождь.

На следующее воскресенье Максим на собрание не пришел. Проходил день за днем, а Семену никак не было случая с ним встретиться. Однажды, когда он под вечер рубил дрова, он заметил, как Максим шел с косою на плече, но, завидев Семена на дворе, прошел возле ворот и быстро свернул на другую улицу.

Снова пришло воскресенье. Семен возвратился с собрания, сидел в избе и читал только что полученные духовные журналы. В сенях послышались шаги и в хату вошел Максим. На его лице лежала тень горя и каких-то переживаний. Он положил фуражку на скамейку, поздоровался с Семеном и присел возле стола.

— Знаете, дядька, — начал он, — я эти последние воскресенья не приходил в собрание, потому что совесть моя меня не пускала. Хочу итти, а она свое говорит: ты избрал неправильную дорогу... Хотел продать себя за деньги. А это нечестно. Я так дальше не могу. Господь даром отдал Себя за меня, а я хотел служить Ему за деньги... Диавол подсказал мне эту мысль, а больше никто. Стыдно мне, очень стыдно. Продал себя за двадцать злотых... Я не приходил на собрания, потому что был неспокоен, а также не имел денег, чтобы вернуть вам. А теперь я принес вам ваши

деньги, а в собрание приходить буду. Желаю Богу служить добровольно.

Максим вынул из кармана деньги и положил на стол перед хозяином.

— Возьмите ваши деньги, дядька, но позвольте приходить на ваши собрания без денег, — говорил взволнованный Максим. — Я буду приходить потому, что слово Божие коснулось моего сердца. Я все эти дни не имею покоя. Я чувствую, что я — тот блудный сын, о котором вы говорили, когда я первый раз был в собрании. Я хочу вернуться домой, к Богу. Грех меня мучит и мне чего-то очень страшно. Я великий грешник, о чем вы тоже знаете... Но я хочу служить Богу...

Семен встал и обнял Максима. А Максим расплакался, как дитя, как блудный сын в объятиях счастливого отца.

— Стой, Максим, не плачь, — говорил Семен, — Господь добр, простит твои грехи и примет тебя. Ты тоже Его дитя. Не плачь... Только верь... Увидишь тогда, как сладко жить с Богом. А теперь, помолимся вместе, Господь услышит...

Они стали вместе на колени возле стола и Максим впервые молился своими словами. Молился так, как подсказывало ему сердце, как чувствовала истомленная душа. Потом и Семен молился. Склонившись на стол, он просил Бога, чтобы Он помог Максиму устоять на новом пути, чтобы укрепил его первые шаги, чтобы записал его имя в Свою книгу на небесах...

После молитвы они еще долго сидели и рассуждали о Божьих делах. Максиму многое было непонятно, в душе назрело много вопросов, душа жаждала того, чего до сих пор не имела и Семен все ему объяснял. А когда они расходились, хозяин сунул Максиму двадцать злотых в карман и сказал:

— Возьми, Максим, тебе ведь надо. Это тебе будет от нашей церкви. Мы тебя не покупаем, а только желаем помочь, потому что это наш христианский долг. Мы знаем, что ты в нужде и должен это взять. Возьми, Максим... Я тебя никуда не записывал, потому что это-

го у нас не делается, но если ты будешь верен Господу, Он запишет тебя в Свою книгу. А это самое важное... Запишет на веки.

Максим пошел домой и с этого времени никогда не пропускал евангельских собраний. Он отдался на служение Богу, а потом уверовала и его жена. Максим был счастлив, что таким путем нашел его Господь.

А в селе упорно говорили, что и Максим с женою тоже записались в штунды.

ОСЕНЬ

Он шел извилистой тропой, теряющейся в кустах, а липовые деревья бросали ему под ноги первые пожелтевшие листья. Начиналась осень. Посветлевшее небо с каждым днем как бы все больше и больше отдалялась от земли и становилось неизмеримо глубоким и прозрачным. Оно растянуло светло-голубой шатер над городским парком и осыпало землю миллионами искр тихого осеннего света.

Роман прошел возле озера, по которому грациозно плавали два лебедя, а потом за клумбой цветов повернул налево и присел на старой знакомой скамейке. Это было место их свидания. Его часы показывали десять минут шестого, а Маруся по телефону сообщила, что придет только к шести часам. Неотложные обязанности в больнице не позволяли ей оставить работу раньше. В распоряжении Романа было еще много времени. Он удобно расположился на скамейке, облокотился на спинку сиденья и устремил равнодушный взгляд на высокую липу, стоящую перед ним. Подул ветерок, сорвал с дерева листок и спокойно бросил его к ногам Романа. Осенняя тишина парка навела Романа на размышление, и перед его глазами предстали волнующие воспоминания недавнего прошлого. Вспомнился ему вот такой же осенний день в далекой Австрии. Как и теперь, когда убаюкивающе светило солнце, желтели на деревьях листья, а сухой ветер заметал ими пыльную дорогу. Роман, вместе с другими военнопленными, ежедневно ходил на тяжелую работу. За лагерем, под горой выкапывали большие камни. Работа была не по силам, а конвоиры отличались нечеловеческой жестокостью и беспощадностью. Многие из его друзей пали в тяжелой каторге, а оставшиеся хорошо сознавали, что и для них нет иного выхода из этого ужасного места, кроме смерти. Сознание этой обречен-

ности в особенности угнетало Романа и его друга Юрия, и потому они договорились вместе бежать из плена. Будь что будет. Все равно придется умирать, а, может быть, Бог и поможет на этот раз избежать ужасной участи. В один осенний вечер, они осуществили свой смелый заговор.

Когда длинная вереница пленных возвращалась в лагерь по лесной дороге, проходившей среди густых кустов, Роман и Юрий выбежали из строя и бросились в кустарник. Несколько часовых побежали за ними вдогонку. Застрочил ручной пулемет, но беглецы уже были далеко в густом лесу. Они бежали и бежали, не оглядываясь. Колючие ветви ранили им лицо и руки, но они бежали все дальше и дальше, преодолевая перед собой преграды.

Прибежав к широкой речке, они не раздумывая бросились вплавь. Вода была холодной и стремительно быстрой. Она тянула их в свою холодную пучину, но они счастливо переплыли реку и, тяжело дыша, вышли на противоположный берег. Торопливо выкрутили мокрую одежду и побежали дальше. Желание отдалиться как можно дальше от лагеря укрепляло их силы и быстрый бег помогал им согреться.

Задержались они на лесной поляне, на которой увидели небольшую скирду сена. Роман и Юрий присели под сеном. Через несколько минут их охватил озноб. Солнце уже зашло, и над поляной расстилался холодный туман. Вечерние сумерки выходили из леса и ползли вокруг скирды, словно живые. Далеко в лесу звучал скучный крик какой-то лесной птицы. Беглецы сделали в скирде большую нору и, прижавшись друг к другу, почувствовали, что им теплее. Они знали, что ночью погони за ними не будет, а к утру они будут сухими и смогут искать дальнейшего пути к своей свободе.

Роман лежал в глубине сена и напряженно прислушивался к малейшему шороху. Но в лесу царила полнейшая тишина. Такая как теперь в парке, с таким же, как сегодня прозрачно-глубоким небом, как бы покрывающим все своим глубоким ночным покоем. Но не такое тогда было положение Романа. Тогда он был

голоден, измучен, беспомощный, дрожащий от холода, дрожащий от мысли, что завтра их могут поймать, а потом — неминуемая ужасная смерть... Теперь же осень совсем иная. На высоких липах давно пожелтели листья, в цветниках вянут цветы, а в сердце Романа теперь, как раз рацветает восторженная и жизнерадостная весна. В нем цветут розы, поют соловьи, резвятся ласточки... И ему кажется, что все улыбается, все обращается к нему лицом, приветствует его, что нигде нет осени, а по всему миру одна только весна и солнце. Он невыразимо счастлив и доволен своим положением. И все так чудно сложилось, все так произошло, как он и желал. Еще недавно он не мог и мечтать о таком счастьи, а теперь он уже ощущает его своими руками, чувствует его в глубине своего сердца. Маруся казалась ему такой далекой, недоступной девушкой, а теперь она обручена с ним! После Рождества они решили сочетаться в браке и потом переехать на жительство в Калифорнию. Какое счастье!..

Где-то далеко за парком послышался свист проезжающего поезда. Роман очнулся от своих приятных размышлений. Встав, прошелся возле озера и направился к дороге. Навстречу ему шла улыбающаяся Маруся, и он быстро побежал к ней.

— Роман, милый! — еще издали воскликнула Маруся, помахивая газетой. — Я принесла тебе чудную новость. Тебя разыскивает твой друг Юрий, о котором ты мне рассказывал. Вот, посмотри, здесь, на последней странице, где я отметила карандашом. Читай, читай!.. Это же он, не правда ли?.. Твой друг.

Роман взял газету и пробежал глазами по месту, обведенному красным карандашом. Некоторое время подержал газету в руках, а потом тихо сказал:

— Все же опять ищет... — и отдал газету Марусе.

— Что такое, Роман? Ты недоволен этой новостью? Почему?.. Я не думала, что ты этим не обрадуешься. Если бы знала, совсем бы об этом ничего тебе не вспоминала. Но это же Юрий, о котором ты мне рассказывал? Помнишь, как вы вместе бежали из плена? И вот он теперь тебя разыскивает...

THE UNIVERSITY OF MANITOBA LIBRARIES

— Маруся, почему же мы стоим здесь на дороге? Присядем вот там на скамейке и я тебе все расскажу. Видишь, я не сержусь на тебя за то, что ты принесла мне газету, но здесь другое дело...

— Какое же это дело? Расскажи мне, пожалуйста...

— Да, да, я все объясню, только пойдем отсюда. Сядем на нашей скамейке. Там теперь так красиво. Липа, которая, казалось, недавно расцветала, теперь вот уже пожелтела... Пойдем.

Оба сели на скамейку, и Роман сейчас же начал рассказывать, ибо увидел, что Маруся как-то вдруг опечалилась:

— Я хочу подтвердить, дорогая Маруся, что это тот же Юрий, с которым мы бежали с плена. Он меня давно разыскивает, только я об этом тебе ничего не говорил, потому что это мелочь. Видишь, он ищет меня, потому что хочет получить помощь, но я же не богатый человек. Зарабатываю своими руками, работа непостоянная, а я не могу разбрасываться деньгами направо и налево. Они все там в Европе думают, что мы здесь в Канаде или в Америке собираем деньги на улице, а оно не совсем так. Да ведь ты и сама знаешь, как иногда нужно тяжело работать за этот зеленый доллар. А потому я и не отвечаю на его розыски. Знаю, с какой целью он меня ищет.

— Если это так, то не хорошо, Роман, — перебила его Маруся. — Я знаю, что деньги здесь приобретаются тяжелым трудом, но все же мы все имеем их достаточно для жизни. Ты должен написать твоему другу, Роман. Может быть, он не нуждается в помощи, а просто хотел бы узнать о тебе; может быть, он тоскует на чужбине и хотел бы переехать сюда. Нужно написать, Роман.

— Нет, Маруся, я точно знаю, почему он меня разыскивает. Сюда он не может приехать, потому что находится в санатории для больных туберкулезом. Он просто хочет, чтобы я помог ему материально.

— Роман, тогда тем более ты должен ему написать. Он же твой друг. Если же у тебя нет денег, тогда

я тебе дам. Может быть, он нуждается в лекарстве? Я смогла бы достать дешевле...

— Нет, Маруся, мы не можем так разбрасываться деньгами. Твои ли деньги, или мои, это теперь одно. Пошлешь один раз, а потом опять нужно будет послать, потому что он начнет думать, что мы здесь миллионеры. Да если бы он хотя выздоровел от того, что мы ему пошлем, а то ведь мы, может быть, и ему не поможем, и от себя оторвем. А нам нужно быть осторожными с нашими расходами. Нужно научиться сберегать деньги, если хотим чего-нибудь достичь в жизни. Пусть он себе ищет, Маруся. После свадьбы мы уедем в Калифорнию, и от нас и следов здесь не останется. Он все равно оттуда уже не выйдет, а нам ведь нужно жить. Теперь только перед нами открывается жизнь...

— Нет, Роман, нет, — быстро запротестовала Маруся. — Жизнь только для себя — это не жизнь. А того, что ты сказал,, больше не говори. Так нельзя рассуждать. Это грех. Выходит так, что больной друг пусть лежит и умирает, потому что ему нет иного выхода, а мы будем жить, веселиться, радоваться, как будто мы лучшие перед Богом. Нет, Роман, я с этим никак не могу согласиться. На моей работе в больнице я многому научилась. Я научилась понимать жизнь. Если бы ты видел, сколько в мире, даже в нашем городе, несчастных людей! Сколько больных, которые знают, что они уже не встанут с постели... Я их всегда вижу в госпитале. Многие лежат там многие годы в ожидании смерти. Иногда какое-нибудь посещение или даже только письмо или букет цветов приносят великую радость этим страдальцам. А ты не хочешь сделать маленькую услугу своему другу! Так нельзя, Роман. Ты должен ему написать, пожелать ему выздоровления, а если нужно, послать и материальную помощь. Если ты не пошлешь, то кто другой пошлет? Кто подумает о бедном одиноком скитальце?.. А если ты не напишешь, тогда я напишу. Подумай, сколько лет ты здесь живешь, работаешь, ходишь, куда хочешь, независим, свободен, здоровый и сильный. А твой друг все эти годы лежит в санатории. Лежит больной, страдающий, всеми забытый. Понимаешь ли, что это значит? Он не думает о

Калифорнии, а думает только об одном, — быть здоровым, а если нет, то хотя бы кто навестил, принес слово утешения, ободрения... Этого я раньше не понимала, но теперь понимаю и вместе с этими несчастными переживаю их невыразимое горе.

— Ну, не волнуйся, Маруся, — защищался Роман. — Все само собой разрешится. Не будем об этом больше говорить. У нас ведь есть более важные дела для общего обсуждения. Мы стоим перед началом новой жизни, которой доселе не жила ты, ни я, и к которой теперь нам нужно приготовиться. Я только ломаю себе голову, где мы возьмем денег, чтобы закупить все необходимое. Ты знаешь, на этой неделе я купил новый телевизор, отремонтировал автомобиль, и за прошлый месяц ни одного цента не положил в банк. Такая жизнь, расходы и расходы. Но как то мы устроимся, не пропадем! Как нибудь да будет... Пройдемся возле цветов. Сегодня такая чудная погода. Осень в Канаде бывает иногда красивее нашей осени на Украине.

Маруся и Роман встали и пошли мимо кустов к цветущим клумбам. Возле них сторож сгребал граблями сухие листья и подсыпал землею молодые деревца, которые словно солдаты стояли возле ровной дорожки. Солнце спряталось за высокие деревья парка и на дорожку падала тень.

— Маруся, ты какая-то унылая сегодня, как бы сердитая на меня, — сказал тихо Роман. — Может быть за то, что я сказал о Юре? Да? Ну, не сердись. Я напишу ему сегодня же или завтра.

— Не беспокойся, Роман. Я не сержусь. Я просто думаю. Сегодня я опять видела в больнице страшную картину. Привезли убитых в автомобильной катастрофе. Отец и маленькие дети... О!.. Они так и стоят передо мною... Как мы счастливы, что имеем здоровье и силы. А в мире столько горя!.. И жизнь человека так коротка, так суетлива...

— Ты знаешь, Маруся, после свадьбы я нарочно хочу переехать в Калифорнию, чтобы оторвать тебя от твоей работы. Работа в больнице очень напряженная. Всегда больные и умирающие. И на все это нужно тебе смотреть, волноваться и переживать.

— А я, Роман, люблю такую работу. Иногда мне тяжело, но потом я чувствую душевное удовольствие, потому что это честный и очень важный труд на пользу людям. А сделать кому-нибудь добро, облегчить чьи-то страдания, вытереть слезы отчаяния, посидеть возле одинокого и забытого больного, у которого иногда нет ни родных, ни знакомых, — это не только работа, но и служение Богу и ближним. Ты этого не понимаешь, Роман, но я понимаю. И очень хотела бы, чтобы ты это понял, почувствовал, пережил...

— Маруся, ты иногда какая-то странная, смешная. Тебе очень подошло бы быть монахиней или евангелисткой. Может быть это и хорошо, но у тебя такой характер и сострадание. Женщины всегда мягче мужчин, более сентиментальны. Но это им вредит. Все надо в меру. Главное же, чтобы мы уважали и любили друг друга. И тогда все будет хорошо. Правильно, Маруся?..

— Правильно, Роман, — ответила Маруся и улыбнулась.

***

Осень уже давно поснимала листья с деревьев, разбросала их по земле и размочила холодным дождем. Небо спрятало свою голубизну, затянулось серыми тяжелыми облаками и как бы приблизило к земле горизонт. Потянулись холодные неприветливые дни. Ветер качал оголенные ветви деревьев и навевал непонятную глубокую тоску и печаль.

Роман поднял высокий воротник своего пальто и шел безлюдной тропой городского парка к знакомой скамейке под липами. На душе у него было так же грустно и холодно, как и в осенней природе. Там также завяли цветы и осыпались последние листья надежды. С правой стороны тропы блестело озеро, а по его прозрачной поверхности плавали почерневшие листья лип и намокшие корни травы. Лебедей уже не было. Вода морщинистой рябью ежилась от холодного ветра и прижималась к равнодушным пустым берегам.

Вот и старая знакомая скамейка под липами. На ней лежало несколько листьев прибитых дождем. Они говорили о том, что здесь давно никто не сидел. Во-

круг было тихо и скучно. Липы слегка шумели и как бы разговаривали между собой никому неизвестным языком природы. Роман присел на скамейке, заложил ногу за ногу и облокотился на спинку скамейки. Он невольно мысленно погрузился в недалекое прошлое, кокоторое пролетало перед ним, словно пролетающие птицы. Посмотрел на часы: через десять минут сюда придет Маруся на свидание. Сердце его было охвачено тревогой и предчувствием чего-то плохого. Подобную мучительную тревогу он переживал тогда, когда бежал из лагеря военнопленных. После последней встречи с Марусей, после их разговора между ними легла какая-то тень, какое-то препятствие, которое темной силой закрывало им путь друг ко другу. Несколько раз они встречались в городе, но Роман видел, что Маруся стала иной, почему-то всегда печальной, задумчивой и обеспокоенной. Сегодня она сама позвонила к нему и просила прийти для встречи к старой знакомой скамейке в парке, и сердце Романа затрепетало от неожиданности и волнения. Сидя на скамейке, он опять погрузился в свои невеселые размышления. От нетерпения Роман встал и начал прохаживаться по дорожке возле почерневших безлистых кустов. С озера несло влажностью и холодом.

Но вот и она, Маруся. Вышла из больших ворот парка и быстрым шагом направилась к озеру. Роман, как всегда, поспешил ей навстречу и был опять очень счастлив и доволен. И она тоже, казалось, была прежней Марусей, — веселой, улыбающейся и приветливой. Подав Роману руку, она посмотрела ему в глаза и как будто сказала, что между ними опять нет никакой тени, никакой преграды.

Они прошли мимо знакомой скамейки и ,пошли мокрой дорожкой в направлении забора. Тяжело вздохнув, Маруся нарушила долгое молчание.

— Пусть все между нами, Роман, будет закончено. Так будет лучше, — тебе и мне. Наши характеры и наши взгляды на жизнь вообще, — полная противоположность. Поэтому наш брак не был бы счастливым. Я знаю, что ты в своей жизни достигнешь богатства, потому что это твоя цель, а я не хочу быть богатой, —

только счастливой. Богатство никогда не дает истинного счастья. Оно, наоборот, приносит неудовлетворение своим положением, зависть, делает людей бессердечными, безжалостными и неспособными сочувствовать. Нам лучше всего каждому пойти своим путем, пока еще не поздно. Позже мы уже не смогли бы исправить ошибку, и на всю жизнь были бы друг другу тяжестью и помехой в наших стремлениях.

— Маруся! — заволновался Роман. — Не говори так! Ты разоришь меня... Маруся!.. Я ведь так много уже израсходовал на приготовление к совместной жизни... Мы же обручены, — об этом все знакомые знают. Что же будет?.. Маруся!.. Я...

— Роман, — ласково прервала его девушка. — Так будет лучше. Ты сам увидишь и в будущем вспомнишь меня. Со мной ты не будешь счастливым, потому что ты не поймешь меня, и я тебя не смогу понять. А теперь еще не поздно.

— Но нет же, нет, Маруся! Я знаю, почему это произошло. Это из-за Юрия. Но я ведь ему написал, да ответа нет. А сегодня еще напишу, пошлю воздушной почтой, а если он нуждается в помощи материальной, тоже вышлю. Послушай меня, Маруся...

Маруся посмотрела на Романа и в ее глазах было столько невыразимой печали, как во всем этом осеннем парке. Она покачала головой и пыталась улыбнуться, но ее улыбка была похожа на гримасу неутешного плачущего ребенка.

— Нет, Роман, Юрию ты уже не поможешь, потому что он уже ни в чем не нуждается. Вчера я получила письмо из санатории, в котором сообщали, что твой друг Юрий умер. Понимаешь, умер всеми оставленный и забытый, никому ненужный, умер среди чужих людей, в холодной далекой чужбине. В предсмертный час не было при нем ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни доброго друга. А ты, здоровый и богатый, не пожелал порадовать своего друга хотя бы письмом, несколькими теплыми словами. Это не только грех, но это тяжелое преступление. Юрий долго тебя искал, но ты даже не отозвался на зов его сердца. Ты несколько раз переменил место жительства, прятался от друзей,

которые показывали тебе газеты с розысками твоего друга через Красный Крест. Ты купил ненужный телевизор, новый автомобиль, все богател, приобретал, а друг твой, с которым связывало тебя очень многое, погибал в санатории без малейшего твоего внимания. Мне оттуда написали, что его можно было вылечить, но у них не было нужных лекарств. А ты ведь мог их послать. Но ты боялся немножко обеднеть, понести хотя бы самый ничтожный убыток, боялся потерять лишнюю копейку. А эта копейка помощи не была бы лишней, — она была бы жизненной поддержкой другу, служением ближнему, бедному. И вот из-за этого, Роман, ты мне стал чужим и далеким. Если у тебя не нашлось и капли сочувствия и милосердия к твоему другу, с которым у тебя было так много общего и пережитого в прошлом, то откуда у тебя возьмутся нежные чувства к твоей жене, а особенно в минуту какого-нибудь испытания? Поэтому...

— Маруся, — пытался что-то сказать в свое оправдание Роман, но девушка посмотрела на часы и поспешила закончить свидание:

— Извини мне, Роман, я должна идти, потому что через полчаса нужно стать на работу. Отсюда я еду в больницу. До свидания.

И пошла по промокшей тропинке к открытым воротам.

Роман стоял и смотрел ей вслед, но Маруся даже не оглянулась.

Медленными шагами он тоже направился из парка, только другим путем. Прошел возле озера, но потом, увидев старую знакому скамейку, почувствовал во всем своем теле какую-то слабость и нужду в отдыхе. Он присел. Растерянным взглядом посмотрел вокруг себя и увидел, что он один в парке и одинок вообще в жизни. Никогда он этого так больно не чувствовал, как сегодня. Деревья перешептывались между собою, ветер шелестел пожелтевшими листьями, задумчиво стояли безлистые кусты сирени. Везде чувствовалось холодное дыхание осени, и такая же скучная и печальная осень была и в сердце Романа.

В ЛЕСУ

В нескольких шагах от лесной изгороди, у подножия высоких и крутых скал находился родник с чистой кристальной водой. От него, протискиваясь между высокой травой, бежал ручеек. Далеко за горой раскинулось широкое поле. дышущее ароматом цветущей гречихи. За полями виднелся лениво качающийся лес, за лесом, опять поля, опять белая гречиха, шелестящий овес и луговые цветы. От родника бежала через поля еле заметная тропинка, сворачивала за кустом терновника и скрывалась в темных зарослях леса.

Жаркий летний день склонялся к вечеру. Усталое солнце, перекатившись далеко за полдень, украдкой выглядывало из-за набегающих туч и, словно большой позолоченный шар, спускалось за пылавший огнем горизонтом. Вечерняя нежная прохлада носилась над полями. Белая гречиха казалось еще более благоухала, а ветерок, шелестя листьями зелени, разносил в вечернем тумане свои ласки...

Из лесу вышел старик и, держа в руке старый солдатский котелок, направился к роднику. Почерпнул воды, напился, опять почерпнул — и зашагал босыми ногами обратно. Хромая на левую ногу и опираясь на палку, старик вошел в лес. Он прошел ряд густых кустов, свернул налево, перебрался через глубокий овраг и очутился на своей поляне, покрытой пестрыми цветами и высокой травой. На краю поляны стояла небольшая избушка с двумя кривыми окнами и почерневшей соломенной крышей. Над избушкой задумчиво стояла старая липа, развесивши ветви и как бы укрывая ее от грозы и бури. На липе уныло ворковал дикий голубь. Старик подошел к двери, повернул в дыре косяка большим деревянным ключом и дверь со скрыпом открылась. Вошел и поставил котелок с водою на небольшом столике. Из угла выскочила большая собака, подня-

лась на задние лапы, а передними оперлась на ящик и смотрела старику прямо в глаза. Старик достал с полки кусок хлеба, дал ей, сам уселся на лавку, облокотившись на стол и задумался.

— С каждым днем все труднее и труднее носить мне эту воду, — прошептал старик, провел рукой по лбу и отер выступивший пот. Он встал, наложил в котелок очищенного картофеля, поставил его в печку и начал варить. На дворе стемнело. Большие клубы дыма вырвались из трубы и понеслись над верхушками деревьев. Огонь в печке потрескивал и дрожащим пламенем освещал седую голову старика и противоположную, покрытую паутиной стену. Старик сварил картофель, зажег маленькую лампочку и принялся ужинать. Вдруг за дверью раздался осторожный стук. Старик вздрогнул от неожиданности. На пороге показался незнакомый молодой человек. Глядел старику прямо в глаза и как бы силился что-то сказать. Старик поднялся.

— Пожалуйста, заходите! — пригласил он незнакомца.

Тот вошел, положил сумку на лавку и заговорил:

— Я, знаете, заблудился. Шел в село, сбился с дороги и, увидев свет, направился к вам. Нельзя ли мне переночевать здесь?

— Разумеется, куда пойдете? Ночь... — ответил старик. Он неторопясь высыпал картофель в большую миску, достал с полки хлеба и пригласил гостя к столу. Кушали молча, а потом старик стал расспрашивать гостя, откуда и куда его Бог ведет. Тот рассказал, что где-то в Латвии работал на заводе, в прошлом году потерял работу, а теперь скитается по миру, добывая кое-как кусок хлеба. В старике отозвалась жалость. Ему приятно было иметь кого-нибудь в доме. Скука надоела. Он достал из сундука последний кусок сала, разрезал пополам и предложил гостю. Потом опершись спиной о стену, поднял высоко седые брови и со вниманием слушал незнакомца.

В роще за окном давно умолкли птицы. Было тихо. Большой месяц выскользнул из-за туч и, плывя над темным лесом, разливал свой серебряный свет. Ста-

рик разостлал дерюгу на досках, отдал гостю свою подушку, а сам прилег под стеной на лавке. Захотелось ему рассказать о своей тяжелой жизни. А жизнь его разнообразная, как длинная полоса. Имел двух сыновей, одного убили на войне, а другой выехал в Бразилию и след пропал.

— Остался я сам один, — говорил старик, — и нужно добывать себе пропитание. Хорошо, что общество немного помогает, а не будь его, давно пропал бы. Вот выбрали сторожем этого леса, сколотили избушку. Живу здесь, как отшельник вот уже несколько лет, а добра никакого нет. Что делается на свете, я ничего не знаю. Говорят, что война будет, а мне здесь все одно. Лес —это мой мир... — Он горько вздохнул и хотел продолжать, но услышав, что гость храпит, — умолк. Хотелось старику показать свое горе, поделиться одиночеством, да некому было слушать. Натянул на плечи свой старый кожух и начал дремать. Свет луны полз через окошко по стене, освещая в углу еле заметную икону.

Настало утро. Алмазные капельки росы искрились и сверкали на листьях берез. Весело распевали птички, а с ним, казалось, пел весь лес. Пел громко и торжественно. Старик, обойдя порученный его надзору лес, возвращался домой. Дверь его избушки оказалась открытой и жуткое беспокойство овладело сердцем. Поспешил войти. Незнакомца, которого он оставил спящим и след простыл. Вместе с ним исчезли новые сапоги, пиджак, белье и другие вещи. Старик бросился в кусты, перебрался через овраг и очутился на дороге, ведущей в село. Везде царило глубокое молчание. Он позвал незнакомца, но эхо далеко в лесу повторило его дрожащий голос. Измученный ходьбой, старик присел на траву, опустил голову и тяжело вздохнул. Посидел, разложивши на траве усталые ноги, потом встал и прихрамывая, поплелся в лес. Возвратившись в свою избушку, он бросился на разложенные под стеной доски и тихое рыдание потрясло его старческую грудь. Старик чувствовал себя бессильным, одиноким и обиженным. Тот, с которым поделился последним куском хлеба, которому открыл свое сердце и свою избушку,

решился обокрасть его и убежать... Жалко сделалось старику себя, хотелось кому-нибудь высказать свое горе, да никого не было в этой зеленой глуши. Был только он и его переживания, его скорбь.

Прошло несколько лет. Жизнь старика не изменилась. Хатка на лесной поляне пришла в ветхость. Здоровье старика подкосилось и силы иссякли. Все реже и реже он обходил свой участок. Добрые люди приносили из села хлеб и молоко. Целыми днями просиживал он на заваленке и глядел печальным взором на постоянно дрожащие листья молодых осин. Здесь же росли зеленые ели, которые он садил своими собственными руками. Теперь они высокие, стройные, рвутся ввысь, а он согнулся вниз, к земле... Припоминая прошлое, вспомнил и незнакомца, который обокрал его, но которого он теперь готов был простить. Чувствовал, что скоро оставит свой лес, а его место займет кто-то другой. Почему-то не жалел своей жизни, был доволен всем, внутренне счастлив.

В воскресенье под вечер из села пришло несколько крестьян посетить старика. Он лежал на нарах больной и немощный.

— Хорошо, что пришли, — сказал старик, тяжело дыша, — я верно вам прослужил, а теперь чувствую, что недолго осталось мне быть здесь. Найдите другого на мое место. Мне уж тяжело...

Крестьяне утешали его, уверяя, что он выздоровеет и еще послужит им. Он же отрицательно кивал головой и все повторял:

— Нет, я чувствую, что не смогу... Вот здесь... — и он показал на грудь.

Вдруг заскрипела дверь и в избушку вошел среднего роста незнакомец. Медленно подошел к нарам и тревожно взглянул на больного.

— Вы узнаете меня? — спросил он старика.

Больной посмотрел на него блуждающим взглядом и тихо сказал:

— Нет..

— Я был у вас когда-то, — отрывисто сказал незнакомец, — я украл ваши сапоги, пиджак, жестоко обидел вас... А теперь я пришел. У меня есть деньги и я

готов пополнить вашу потерю, возвратить все, что взял, даже и больше. Я готов явиться на суд вашего села и принять нужное наказание, лишь бы только совесть свою очистить...

Незнакомец замолчал, тяжело вздохнул, посмотрел на сидевших на лавке крестьян, а потом рассказал, как блуждая по миру, он встретился с Евангелием, на фронте, много раз Господь спас его от смерти и он решил идти в далекий путь, найти старика и просить у него прощения.

Когда стемнело, крестьяне ушли в село, а незнакомец остался один со стариком. Он достал из своей сумки белый хлеб, приготовил молоко и разостлал для себя соломы на скамейке под окном. Старик немного поужинал и почувствовал себя лучше. Мог даже облокотиться и присесть, опершись на подушку. Незнакомец присел возле больного и начал говорить ему о своих переживаниях, о том, как он нашел Христа, как жизнь его с тех пор изменилась и он стал новым человеком. Старик слушал, шевеля посиневшими устами. Когда-то он, будучи молодым, слышал о Евангелии, но никогда его не видел. Говорят, что это большая книга, Божья книга и не всем разрешается ее читать. Он опустился на подушку и вытер рукой глаза. Незнакомец помог ему прилечь и прикрыл его одеялом.

Был поздний вечер. С недалекого лесного озера доносилось веселое кваканье лягушек, а ветер, шелестя листьями, носился над поляной. Где-то далеко в роще пел соловей. Больной поднял голову и посмотрел на потолок. Подумал минутку, а потом заговорил:

— А скажи, молодой человек, не пожелал бы ты занять мое здесь место сторожа? Я скоро уйду, а ты оставайся здесь. Полюбишь лес, людей. Будет тебе хорошо. Народ наш добрый, будет заботиться о тебе, не будешь иметь нужды. Как?..

— Не думал я об этом, — ответил незнакомец, — жизнь моя теперь не так жалка, как раньше. С Богом везде хорошо. Если здесь есть люди, которым я могу быть полезным — согласен. Впрочем, это не от меня зависит. Бог распоряжается моей судьбой. Я рад,

что застал вас еще в живых, потому что это было моим наибольшим желанием.

Больной тяжело застонал и тревожно посмотрел в окно. Попросил воды и видимо опять успокоился. А незнакомец достал из сумки небольшую книжечку, присел возле него и начал читать:

— Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы каждый, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную...

Старик слушал с умилением и по его покрытому морщинами лицу, скользила еле заметная улыбка.

За окном ветер шелестел листьями деревьев и тихо стучался в дверь. Было уже слишком поздно. Незнакомец прилег на лавке под стеной, прикрылся старым дырявым одеялом и смотрел через окно на дремлющий лес. Сон пришел к нему и он, вздохнувши, закрыл глаза.

Настало утро. Лес ожил и запел свою песню. Эта песня донеслась до лесной хижины и разбудила незнакомца. Он открыл глаза и сбросил с себя одеяло и быстро подошел к кровати. Старик лежал неподвижно в таком самом положении, в каком он был вчера вечером. Уста его были сомкнуты, а на них так и застыла вчерашняя улыбка.

— Дедушка! — крикнул незнакомец, но ответа не было. Он дернул старика за руку. Рука была холодна и безжизненна.

Незнакомец выбежал на поляну и бросился через овраг на тропинку, ведущую на поле. Солнце бросило ему под ноги горсть света и скрылось за ветвистую березу. Где-то на опушке заворчал голубь. Незнакомец бежал и бежал. Дорожка была покрыта ночной росой и на ней еще не было никаких следов. Вот и первые хаты показались за горой, а оттуда, видно, идут несколько человек. Незнакомец ускорил бег. Поравнявшись с крестьянами, он тревожно крикнул:

— Нет старика!.. Умер... Этой ночью.

— Царство ему небесное, — сказали крестьяне и перекрестились. — Мы так и думали, что он долго не протянет. Видно было, поэтому и решили с самого утра посетить его. Хотели и с вами переговорить. Может

быть вы смогли бы занять его место? Нам все одно нужен сторож. Лес большой, молодняк, нужно хозяина... Общество наше решило просить вас...

Все вернулись к лесу. Крестьяне пошли к поляне, а незнакомец прошел в густые кусты и остался один. Ему почему-то хотелось быть одному. Хотелось поразмыслить, поговорить с природой, с Богом. И он стал под густым дубом на колени...

Кругом спокойно дремал лес, над ним носилось пение птичек, а за лесом раскинулись широкие поля, прикрытые убеленной гречихой, шелестевшим овсом и цветами. Незнакомец молился и душа его чувствовала, что Бог слышит его молитву.

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ

Широкий двор Варшавского университета запестрел белыми шапками. Из здания выходили студенты. На больших ступенях и во дворе образовались группки юношей, среди которых велся живой разговор. Под высокой кудрявой акацией, опершись о ствол дерева, задумчиво стоял молодой солдат. Он только что вышел из университетского зала, где читалась лекция для более широкой публики. С любопытством он смотрел на проходящих мимо него студентов.

Холодный ветер подул из-за угла и акация уронила к ногам солдата несколько пожелтевших листьев, которые как-бы еще раз напомнили, что и в жизни людей их юность, свежесть жизни проходит быстро, как минувшее лето. Солдат посмотрел на часы и медленным шагом направился по узкой алейке к выходу. На правом плече он почувствовал чью-то руку.

— Добрый вечер, Миша, — послышался сзади знакомый голос.

— Добрый вечер, — ответил солдат, оглянувшись. Он увидел за собой весело улыбающееся лицо студента, и подал ему руку.

— Я вижу, Миша, что тебя что-то тянет побывать в нашей студенческой компании, — улыбаясь, сказал студент.

Солдат смотрел на окна университета и молчал. Казалось, что он был чем-то поглощен, чем-то опечален. Потом тихо сказал, опустивши голову:

— Да, тянет, но не знаю, как долго еще будет тянуть. И ты думаешь, Коля, что у меня не такая душа, как и у тебя, и я, думаешь, не хотел бы учиться, что-нибудь знать, носить студенческую шапку и быть таким же веселым как ты?

Студент хотел что-то сказать, но, видя печальное лицо своего друга, воздержался. Помолчав, он ответил:

— Ничего, Миша, пойдем на улицу. Не будь таким унылым и печальным. Думаешь мало таких здесь, в Варшаве и там, у нас в деревне, что завидуют тебе и хотели бы носить твой солдатский мундир, но они не имеют той возможности. Каждый человек живет не по своей воле, никто не избрал себе своего положения, а поэтому каждый должен быть всем доволен.

Они прошли через большие железные ворота, вышли на ярко освещенное Краковское Предместье и, повернувши вправо, пошли широким тротуаром. Целые вереницы автомобилей и трамваев тянулись в сторону Нового Света и обратно. Мальчики бегали по тротуару, выкрикивая вечерние издания газет.

— Ты был на лекции? — спросил студент, после некоторого молчания.

— Да, я пришел чуть ли не первым, — сухо ответил солдат.

— А я, вишь, жалею, что опоздал и даже не знаю, как профессор озаглавил свою речь. Читал в газете краткое содержание, но не мог прийти во время.

Солдат вынул из кармана красную афишу и подал ее студенту. Они остановились под большим электрическим фонарем и молодой студент прочел: "Религиозное движение в современной Советской России".

— Да, прекрасно и совсем правильно он озаглавил свою речь, — сказал он. — Меня только интересует, почему он ничего не вспомнил о верующих, особенно на Украине, которые в революционное время сыграли большую роль в этом движении. Не говорил ли он чего-либо о них в начале речи? — спросил он.

Задумавшийся солдат, понурил свой взор в землю, не дослышал заданного вопроса и даже не заметил и не отдал чести сержанту, ведущему улицей с десяток рекрутов. Студент это заметил и перешел на другую тему разговора.

— Знаешь, Миша, вчера я получил из дому письмо, в котором есть привет и для тебя. Есть новости с родной деревни. Вся наша Церковь и Кружок Молодежи передают тебе привет.

— Благодарю, — тихо промолвил солдат.

Так они дошли до Трембацкой улицы, где должны

были расстаться. Вечер хотя был осенний, но теплый. На темной лазури неба теплилось множество ярких звезд, между которыми, согнувшись в дугу, дремал утомленный месяц. Под черной статуей Мицкевича стояло несколько пустых скамеек. Коля с Мишей сошли в сторону и сели на одной из них.

—А теперь скажи, Миша, — начал студент, — почему ты такой кислый, непонятный?

Солдат, повидимому, не находил ответа и молчал. Носком ботинка он шевелил пожелтевшими листьями, а потом, откинувшись на спинку скамейки, начал говорить:

— Что я тебе, Коля, буду отвечать? Все равно не поверишь мне и не поймешь меня. Ты счастлив и доволен своей судьбой, поэтому ты радостный. Будь я на твоем месте, был бы таким же. Ты, правда, поступил в университет, свои молодые лета отдаешь учению и в будущем надеешься чего-то достигнуть, что-то знать. Будешь ученым человеком и с тобой будут считаться, у тебя будут учиться. Одним словом, будущность тебе счастливо улыбается. Думаю, что забудешь свой деревенский уголок, где родился, пойдешь по городам, по широкому миру...

Солдат, тяжело вздохнув, продолжал говорить:

— Кроме того, ты хорошо мог бы жить и дома. У отца много земли, есть хорошее хозяйство. А я что! Подумай хорошо, Коля, и ты меня поймешь. Ты знаешь, что дома мы имеем скудный клочок земли и на этом клочке толкают друг друга три брата. Больше мы не имеем ничего. И, думаешь, если бы я родился у богатых родителей, то разве не смог бы подобно тебе и другим носить белую студенческую шапку и учиться?.. Разве у меня не такая же душа, как у вас, студентов? И, думаешь, она не хотела бы познать науку, не хотела бы знать Гете и Шекспира? Разве я виноват, что отец мой умер, когда мне было всего восемь лет, и я должен был идти пасти скот? Да, Коля, ты счастлив, а я один из самых несчастных. Через четыре месяца я сброшу этот солдатский мундир и должен буду возвратиться к старушке матери, где буду нуждаться в куске хлеба и ходить оборванным. А юность моя, самые луч-

шие годы жизни проходят и они уже никогда не вернутся. Никогда, понимаешь, Коля?.. И вот я начал думать, что, повидимому, Бог забыл меня, оставил меня...

Он хотел еще что-то сказать, но студент его перебил:

— Миша, ты этим грешишь...

— Да, нет никакого преимущества для тех, которые живут свято... Тебе хорошо говорить, хорошо верить, но подумай, что я... я... — взволнованно говорил солдат.

Студент не находил слов, чтобы утешить его. Он знал своего друга, знал его душу, знал его бедное положение и желание учиться, желание достичь какого-нибудь знания и все то, что он сказал, было правдой.

Солдат встал со скамейки, молчаливо подал дрожащую руку студенту и направился в сторону Вислы, к своим баракам. Студент некоторое время сидел один в глубоком раздумьи, а потом долго ходил по тротуару взад и вперед.

В эту ночь он не мог уснуть, не мог также делать своих ежедневных уроков, хотя несколько раз раскладывал на столе тетради и учебник латинского языка. Наконец он погрузился в мягкое кресло и начал читать из Библии свой вечерний урок — девятую главу из послания к Римлянам. Он читал вдумчиво, взвешивая каждое слово. И, когда дошел до двадцать первого стиха, остановился и подумал: "Неужели мой Миша не знает или забыл этот стих, что так разочаровался?" — "Не властен ли горшечник над глиной, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного потребления, а другой для низкого?" — снова прочитал он вполголоса. "Может быть Ты, Господь, и меня предназначил для низшего употребления, но дай мне быть верным Тебе и не роптать никогда на Твое распоряжение". Он глубоко вздохнул и, положив Библию на стол, преклонил у кровати колени и долго в тиши ночной возносил свою искреннюю молитву к Богу. За окном сияли звезды, и ветер колыхал акациями.

На другой день Николай поздно возвратился из университета. Из всего того, что излагал профессор,

мало что осталось в его памяти. Перед его глазами неотвязно стоял его печальный и бедный друг, Миша. Он был из одной деревни с ним и они долгие годы жили по соседству. Придя домой, он еще несколько раз прочел вчерашний стих из послания к Римлянам, подобрал еще другие места Писания и, словно воин перед сражением, помолившись, вышел на улицу. На дворе моросило холодным дождем. Николай поднял теплый воротник, насунул перчатки и, пройдя через большую Театральную Площадь, остановился на улице в ожидании трамвая. Вскоре Николай уже был на ступеньках трамвая, но здесь он услышал свое имя. Это был Миша. Он стоял на тротуаре и звал его. Студент соскочил с трамвая и подал руку другу.

— Для тебя есть письмо, — сказал тихо Миша.

— Очень рад, — ответил Коля, — и если ты имеешь время, то не откажи зайти ко мне на квартиру. Посидим и побеседуем. Может быть в письме есть что нового.

Придя домой, Коля угостил своего друга горячим чаем, а потом, усевшись ближе к нему, ласково сказал:

— Жаль мне тебя, Миша, что ты так пал духом, однако я верю, что Господь тебя еще поставит на тот путь, на котором ты был в начале твоего уверования. Вчера ты мне сказал, что я счастлив, а ты один из несчастных. Я тогда не мог тебе возразить. Ты недоволен своим положением и недоволен тем, что не можешь учиться. Знай же, что есть много таких, которые тебе завидуют. Что же должен думать о тебе тот молодой согнутый калека, что сидит на ступенях храма, когда он видит, как ты здоров, бежишь по улице, а он ведь моложе тебя и не может даже встать и выпрямиться. Разве у него не такая же душа как у тебя или у меня? Чем мы лучше у Бога? Разве это наша заслуга? Но скажи, не властен ли над нами Господь делать из нас то, что Ему угодно? Я вчера читал одно место из Священного Писания, которое прочту и тебе. Впрочем, думаю, ты его знаешь, но забыл о нем.

Он открыл свою Библию и прочитал: "Не властен ли горшечник над глиною..." Миша слушал с таким вниманием, как будто бы в первый раз для него чита-

лась благая весть Евангелия. А Коля, заметил это и говорил:

— Миша, ты вырос и воспитался на лоне природы, и тебя ласкали весенние лучи, не один раз орошал тебя теплый майский дождик да сушило солнышко. Над твоей колыбелью и за окном твоего дома в роще всегда заливался в песнях соловей, а цветущая сирень посылала тебе свои ароматы. Ты скажешь, что все это не имеет ничего общего с твоим положением, но я хочу сказать тебе, что имеет. Подумай только, сколько в этом большом городе есть несчастных жителей, которые живут в темных, сырых подвалах и не видят достаточно солнца и света. Их ноги не знают прохладной утренней росы, они никогда не ощущают теплого летнего ветерка и не слышат прекрасных мелодий птиц. Чем же мы лучше их? Но не властен ли горшечник над глиною... Не думай, что счастье человека в учении. Это не так. Например, я чувствую себя счастливым, но не потому, что я студент университета, не потому, что я богаче тебя, а потому, что я знаю Господа. В этом и есть наивысшее счастье человека.

Коля положил на стол Библию, смахнул прядь волос падающих на чело и, видя внимание своего друга, продолжал:

— Я знаю молодого солдата, и при том богатого, который посещал наши собрания здесь еще перед тобой и, приехавши сюда, он не знал ничего, кроме Христа распятого. Потом он заинтересовался книгами, посещал библиотеку нашего университета и жадно читал все, что попадало под руки. Первая книга, которую он прочел и которая возбудила у него жажду к литературе, была "Герой нашего времени" Лермонтова, потом он прочел "Капитанскую дочку" Пушкина, а потом еще и еще другие книги. В книгах он искал удовольствия, развлечения, но через короткое время его уже не было на нашем собрании. А подумай, сколько в наших селах есть счастливых юношей и девиц, которые ничего не знают, кроме той жизни, которую они нашли во Христе Иисусе и того счастья, которым наделил их Бог. И одним из таких был ты. Я думаю ты помнишь то истинное счастье, которое имел на первых

шагах за Христом, первую любовь. Хорошо было бы, чтобы все это опять пришло к тебе. И тогда ты в бедности своей будешь счастливым.

Большие глаза солдата наполнялись слезами. Он вдруг вспомнил домашнюю жизнь, Кружок Молодежи и все то, что наполняло его душу, исчезло, как тьма перед светом. Он встал и прошелся по комнате. Посмотрел в окно, а оттуда ветер махнул ему веткой молодой липы.

— Коля, я считал бы себя найсчастливейшим в мире, — сказал солдат, — если бы мне можно было возвратить прежнее, но как его возвратить?

— Через молитву и раскаяние, — ответил студент, — а Бог восстановит прежнее. Он любит тебя и знает сердце твое, как добрый Отец.

За окном шумел осенний ветер, а с недалекой улицы доносились голоса тоже шумевшей жизни. Коля с Мишей стали на колени.

— Боже, прости! — взывал солдат и слезы кристальные, чистые слезы падали на его грудь. Затем он радостным голосом запел:

"Как счастлив я ныне в Иисусе,
Словами не выразить мне.
Мои согрешенья простил Он,
Привлек мое сердце к Себе..."

Глаза двух друзей блистали от радостных слез. Они пали друг другу в объятия, радуясь тому, что Миша опять отыскал то счастье, за которым рвалась его душа и которое можно только найти у ног Спасителя.

ТИХАЯ НОЧЬ

Каждый канун Рождества, как только над городом появлялись первые звезды, молодой проповедник Петр Остапенко, набирал в небольшой саквояжик духовную литературу, а в маленькие бумажные мешочки — конфекты и орехи, садился в трамвай и ехал далеко за город, где неровно стояли покрытые снегом старые деревянные бараки. В них жили беднейшие люди города, которых он ежегодно проведывал, и, заходя в каждый барак, раздавал детям скромные подарки, желая этим бедным людям счастливого праздника и свидетельствовал им о рождении Иисуса Христа. Хотя за несколько лет его ревностного труда, ни одна душа из этой части города не обратилась к Богу, брат Остапенко, тем не менее, не унывал и не огорчался. Он знал свою обязанность — сеять Слово Божие, а остальное — не его дело.

Сегодня он также собрался в свой знакомый путь. Постояв некоторое время у окна, он взглянул на далекое звездное небо, и усердно помолившись в душе, почувствовал, что сегодня ему на сердце почему-то привольно, легко и радостно. Пятый год он уже трудится в этом большом городе, и за это время Господь его обильно благословил. Как раз в такой самый вечер он прибыл сюда из Библейской Школы. Кажется, что это было так давно, хотя прошло всего лишь пять лет... Да, время течет, как река...

Закрыв за собою двери комнаты, он вышел на улицу. Холодный ветер дунул ему в лицо, сердито потянув за полы его пальто, а потом убежал за большой кирпичный дом... Издали доносился звон колоколов: Святый Вечер...

Остапенко пошел по заваленным снегом улицам города, мимо ярко освещенных домов и выставок богатых магазинов, потом сел в трамвай и поехал дале-

ко за город. На последней остановке он вышел и снова пошел пешком. Снег скрипел под ногами. Перед ним лежала еще большая дорога. Миновав станцию, он повернул направо, увидев неподалеку от дороги старый деревянный сарай. Он вспомнил, что когда-то в нем складывали уголь; теперь же там, видимо, кто-то живет, потому что сквозь малое окно пробивался луч бледного света. Проповедник подошел к двери и постучал. За дверью было тихо. Он постучал еще раз. Изнутри послышался неясный, слабый голос. Открыв дверь и быстро переступив порог сарая, Остапенко остановился в ужасе, увидев перед собою жуткую картину. Посреди избы стоял грубо сколоченный стол, около него поломанный стул; под стеною, на старой, помятой соломе лежал, покрытый лохмотьями, человек. На полу горела маленькая лампочка, стояла старая кружка и кусок черствого хлеба. В воздухе стоял запах плесени и дыма. Лежавший на соломе зашевелился, приподнял голову и посмотрел к двери. Остапенко шагнул в его сторону.

— Добрый вечер! — как-то неуверенно промолвил он, не получив никакого ответа.

Человек на соломе снова зашевелился и, обратившись к Остапенку, протянул свою костлявую руку к порожней кружке. Потом тихо прошептал:

— Дайте мне, пожалуйста, воды... Меня сильно печет...

Бледный свет лампы, падая на солому, освещал заросшее лицо сравнительно молодого человека, безразлично глядевшего на Остапенко. Протянутая к кружке рука лежала неподвижно.

Петр Остапенко подошел к незнакомому человеку и спросил:

— Вы больны?

Незнакомец ничего не сказал, а только в подтверждение кивнул головой.

Остапенко дал напиться больному, потом нагнулся над ним и ближе посмотрел в его глаза.

— Вы, друг, тяжело больны... Но как же Вы здесь очутились? Кто вы такой? Вас немедленно нужно забрать в больницу. Имеете ли вы здесь в городе кого-

либо из родственников или же друзей?

Больной посмотрел на проповедника печальными глазами и еле слышно сказал:

— Да, я имею здесь родственников, но они обо мне и слышать не хотят. В этом городе живет мой отец и мать, которых я уже давно оставил, причинив им много зла и горя. Но они теперь не знают, где я, да и знать не хотят. Впрочем, все это было очень давно, а теперь я могу сказать, что никого из своих не имею... Никому я не нужен...

Больной замолк, тяжело дыша. На лице выступили капли пота и проповедник видел, что он сильно ослаб. Через минуту он все же собрал свои силы и снова заговорил:

— А все же, господин, если вы можете найти моего отца, то скажите ему, что я здесь. Скажите, что его сын Владимир умирает... Скажите ему, чтобы он простил меня. Я сознаю, что был недобрый... плохой и злой... и теперь я умираю... Вот здесь адрес моего отца...

Больной подал проповеднику смятый сверток газетной бумажки, потом отвернулся к стене и закрыл лицо руками...

Остапенко достал из чемодана несколько свежих булочек, положил около больного. Потом окутав больного его лохмотьями, поправил под головой солому, и быстро выбежал на улицу. Синее небо улыбнулось ему своими звездами. Проповедник быстро пошел обратной дорогой к городу. Медлить он не мог. Ветер хватал его за полы пальто, мороз кусал за уши. Не обращая на это внимания, проповедник шел скорее и скорее. Вот уже он видит широкую улицу и трамвай. А там дальше большие окна церкви, залитые ясным светом. Через полуоткрытую дверь слышны знакомые звуки органа и слова столь приятной песни: — "Тихая ночь, дивная ночь!" Вскочив в трамвай, он через некоторое время стоял у входа большого дома. Подошедши к дверям, Петр немного передохнул и тихо постучал. Послышались шаги, открылась дверь и он увидел перед собою богато одетого, пожилого человека.

— Очень извиняюсь, что беспокою вас в этот вечер, но у меня к вам очень важное дело. Скажите, вы — хозяин этого дома? — сказал Петр.

— Да я, и уже много лет; пожалуйста, войдите... Чем могу вам послужить?

— Я пришел к вам от вашего сына Владимира... — сразу начал он.

Лицо хозяина побледнело, потом покраснело, затем он с гневом взглянул на замолкнувшего Остапенко, Но после короткой передышки Остапенко снова начал:

— Я пришел сказать вам, что ваш сын Владимир...

— У меня нет сына! — быстро перебил его хозяин дома. — И если вы его друг, то уходите из моего дома.. Это все! Я... Я потерял сына... Для меня его нет...

Проповедник растерялся. Он увидел, как лицо хозяина изменилось, руки его задрожали и как он взял за ручку двери, показывая тем, что их разговор окончен.

— Я сейчас уйду, уважаемый господин, но знайте, что я пришел сказать вам, что ваш сын сегодня, в этот святой вечер, умирает там, далеко за городом, лежа на соломе в одном холодном сарае... Случайно я его там нашел. И ваш сын просил меня сказать вам, что он был нехороший, недобрый, злой, и перед смертью он хочет, чтобы вы простили ему всю его вину.

Хозяин молча смотрел на пол. И Остапенко видел, как его лицо вздрогнуло и изменилось как бы от страшной боли. Он опустился на стул, оперши на руку свою голову.

— Вы говорите, что он умирает? Владимир умирает... — тихо промолвил он.

— Да, господин, он умирает. Я только что прибыл от него... Ему нужна самая срочная помощь. Он еле живой лежит в грязи, в холоде и голоде, забытый и оставленный всеми, упавший...

Хозяин быстро поднялся на ноги и, приблизившись к проповеднику, взял его за плечи, посмотрел ему в глаза, но не мог сказать ни слова. Через некоторое время он тихо промолвил:

— Я не знаю вас, молодой человек, и вы не знаете

меня. Вы не знаете также, сколько горя принес в этот дом мой сын Владимир. Один Бог знает... Два года тому назад, с горя, ушла от мира его мать. Я же прежде времени поседел. И это все через Владимира. Поэтому то я и сказал, что у меня нет сына. Может быть очень остро выразился, простите мне... Все же он — мой сын, мое дитя!..

На глазах у него выступили слезы. Он зашатался и снова опустился на стул.

— Я понимаю вас, страдающий отец, понимаю! — утешал его проповедник. — Вы пережили много горя и зла от вашего сына, но все же он остается вашим сыном. Простите ему, а особенно теперь... Бог нам всем прощает большие наши грехи. Он послал в этот мир Сына Своего Иисуса Христа, отдав Его на смерть за наши грехи... Он любит нас, Он прощает нас...

Хозяин вытер слезы и, поднявшись, начал быстро одеваться. Через несколько минут они были уже далеко за городом. Сани разрезали глубокий снег и, сделав еще несколько поворотов, очутились перед сараем в поле, покрытом снегом.

Петр, открыв дверь, вошел первый, за ним последовал отец несчастного. Больной по прежнему лежал на том самом месте, где и раньше. Петр склонился над ним и взял его за плечи. Больной еле проговорил:

— Это вы пришли. А что, были у отца? Виделись с ним?

Проповедник хотел что-то сказать, но не успел. В этот момент отец бросился на солому и пристально всмотрелся в лицо больного. Потом прижав голову больного к своей груди, он громко произнес:

— Владимир, это ты?.. Сын мой!..

Отец прижал к своей груди найденного, измученного сына, целовал его заросшее лицо и горько, горько плакал. Больной также крепко обнял шею отца своими исхудалыми руками и только несколько слов вырвалось из его надорванной груди:

— Папа, мой папа!..

Быстро проповедник с отцом подняли больного, уложили в сани и счастливый отец тронул лошадей. Проповедник остался. Он возвратился в сарай, поту-

шил лампу, взял свой чемодан и вышел. Стал возле дверей и поднял глаза к небу. И казалось ему, что сегодня звезды ярче светят, что в небе ангелы громче поют... Потом сняв шапку, он молился. Молился за Владимира, за его отца, за всех тех бедных людей, которых он еще сегодня хотел навестить. Кругом стояла ясная, тихая ночь. Ветер умолк, а снежное поле и звездное небо сверкали миллионами огней. Тихая ночь, дивная ночь!..

Проповедник взял свой чемодан и быстро пошел по направлению длинных деревянных бараков.

Этой зимой Владимир поправился. Вместе с отцом они обратились к Господу, оба стали не только самыми близкими друзьями Петра Остапенко, но и его братьями во Христе.

ИНОСТРАНЦЫ

Весь покрытый снегом, поезд въехал на станцию, выбросил из себя тучи белого пара, тяжело в последний раз рванулся и остановился. Пассажиры выходили с большими чемоданами, узлами, садились в сани, которые ожидали их за воротами и ехали в город. Молодой студент тоже вышел на этой станции. Он подошел к фонарю и посмотрел на часы. Было восемь часов вечера. До следующего поезда, который мог бы доставить его домой, было еще три часа. Он оставил свой чемодан на станции, а сам пошел темной улицей в город. В этом чужом немецком городе у него не было ни одного знакомого человека, но и на станции также не было смысла сидеть так долго. Если бы это было днем, он непременно пошел бы за город, где искрится никогда не замерзающее озеро, а недалеко от озера возвышается гора, покрытая вечным снегом. Но теперь вечер и все-равно ничего не видно. Поэтому он решил пройтись по снегу, взглянуть на город и сократить скучное время ожидания.

Студент миновал большое почтовое здание, вышел на базарную площадь. Он проходил мимо богатых рождественских витрин, ярко освещенных домов, присматривался к елкам в окнах, но его мысли все время возвращались к его семье. Два с половиной года он не был дома, не виделся с отцом, с матерью, с меньшими сестрами. А они ведь ждут его, выедут на станцию, ему на встречу. Все выедут... А потом знакомая комната, елка, ужин и густой сад за окном весь в снегу.

Он проходил улицы, слушал скрип снега под ногами, а время, как ему казалось, плыло слишком медленно. На дворе поднимался ветер, звездное небо постепенно покрывалось темными тучами. Где-то далеко звонили церковные часы и студент нарочно приостановился и начал считать:

— Раз, два, три... семь... девять.

До отхода поезда оставалось еще два часа. Студент пошел в ресторан, присел к столу и положил перед собой газету. Затем заказал кофе. Он смотрел на большие буквы оглавлений, но мысли были заняты совсем другим. В ресторане, кроме него, больше никого не было. В такой вечер каждый старается быть дома, каждый хочет иметь свой стол, чтобы в своем уютном уголке провести рождественский вечер. От этих мыслей студенту сделалось как-то грустно и горько. Он почувствовал себя больше, как когда-нибудь, одиноким и оставленным. К нему подошел хозяин и спросил:

— Вижу, что вы иностранец, а вчера как раз приходили сюда и спрашивали нет ли иностранцев? У меня давно их не было. Большинство выехали из Германии. Говорите ли вы по-украински?

— Да, говорю, — ответил студент.

Хозяин мгновенно побежал в другую комнату, а через минуту вышел опять с незнакомым человеком.

— Господин, — обратился незнакомец к студенту, — если вы знаете украинский язык, то сделайте нам одну очень важную услугу. Я врач и в нашей больнице есть один больной из вашего народа. Дни его уже сочтены. Мы никак не можем с ним объясниться, так как не понимаем его языка, а он не понимает нашего. Он тяжело болен и я прошу вас пойти со мной в больницу. Это недалеко... Вот тут за церковью.

— Не могу, господин доктор, потому что не успею на поезд, — отговаривался студент.

— Еще успеете, потому что поезд отходит в одиннадцать часов. Умоляю вас, сделайте это. Ведь он же ваш земляк. Вы едете, очевидно, домой, возможно имеете родителей, будете иметь веселые праздники, а он никого здесь не имеет. Поговорите с ним в этот особенный вечер на его родном языке. Он наверно скоро отойдет с этого мира, а может быть он имеет что-нибудь сказать на прощанье. Пусть же он скажет последнее слово своему человеку. Вы же понимаете, как это тяжело... Одинокому и больному человеку на чужбине... Старик он уже. Прошу вас...

Студент вдруг почувствовал сожаление к незнакомому больному человеку и ему стыдно стало перед этими чужестранцами. Он посмотрел на часы и встал. Вместе с доктором они вышли на улицу и быстрым шагом пошли в больницу. На дворе усиливался ветер и крепчал мороз.

Небольшая больница стояла в густом ельнике. Она как будто умышленно была украшена природой к этому вечеру. Вокруг стояла тишина. Врач открыл дверь и они вошли во внутрь больницы. В передней разделись и поднялись по лестнице. Врач шел рядом со студентом и говорил:

— Каждый сегодня желает быть дома, в кругу своей семьи, но есть и менее счастливые люди. Вот и здесь есть много тех, которые давно не были дома в рождественский вечер, не ощущали семейной теплоты, не сидели возле родного стола... Такова судьба и вашего земляка. Одинокий он, очень одинокий... А однако же, быть может, где-то есть его семья, которая со слезами теперь вспоминает его. Обождите немножко вот здесь, а я спрошу сестру, можно ли к нему зайти?

Через минуту врач вышел и позвал студента. Они тихо вошли в комнату, подошли к кровати стоящей возле окна и остановились. На кровати лежал больной старик. Глаза его были закрыты, а белое одеяло на груди слегка поднималось. Врач взял старика за руку. Больной посмотрел мутным взглядом и зашевелил устами. Студент подошел ближе.

— Дедушка, понимаете ли вы по-украински? — спросил студент больного.

Старик вдруг заметался. Вынул из под одеяла худую руку, оперся о кровать и попробовал подняться. Врач его поддержал.

— О, сыну, ты знаешь по-нашему говорить?.. Как это хорошо, дорогой, что ты пришел... Как я рад...

— Вы, дедушка, не волнуйтесь, — говорил студент, — потому что врач говорит, вам нельзя волноваться, вам нужно лежать спокойно. Не волнуйтесь... Я пришел немножко с вами поговорить. Долго не буду, спешу к поезду. Если имеете что-либо важное сказать, то скажите мне, а я передам доктору.

Но больной не мог успокоиться.

— Я ничего не имею сказать, сыну, только поблагодари этим чужим людям за то, что они такие добрые для меня. А я так счастлив, что ты пришел. Это впервые за год я услышал свой родной язык, могу говорить и ты меня понимаешь. Поэтому мне здесь очень тяжело, нет своих людей. Они хотя и добрые люди, но не понимают моего языка, и через это не могут знать и моего великого горя.

— А где же ваша родня?

— Нет у меня здесь родни, сыну, нету никого. Все остались там, дома. Вывезли только меня с сыном. Немцы... Васю — убило, а я остался сам на чужбине. Вот уже целый год здесь лежу. Да, видно, скоро отойду отсюда, к Васе... К сыну... Он был хорошим христианином, верным Господу и Бог взял его. Мы наверное с ним встретимся... Говорят, что завтра Рождество?.. Правда ли? А я уже так давно не был в церкви, не слышал Слова Божия, а сам читать не могу. Может быть ты, сыну смог бы прочесть мне что-нибудь? Вот здесь мое Евангелие... Возьми...

Студент взял маленькую книжечку, поднес к свету, но не знал, что с нею делать. Он не мог понять в бреду ли старик, или при своем уме. Разговор у него ясный, но для студента непонятный.

— Вот здесь, сыну, переверни две страницы. Да, да... Читай здесь, где я покажу пальцем.

Студент держал книгу и начал читать: "Когда же Иисус родился в Вифлееме иудейском, во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока... ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли..."

Больной сложил на груди желтые, как воск руки и с глубоким благоговением слушал. Слушал так, как ребенок слушает слова доброго отца, а студент читал все дальше и дальше. Для него самого было очень интересно. Он впервые в своей жизни читал слова, где так ясно написано о Христе, о мудрецах, о звезде над Вифлеемом. Ему казалось, что эти слова написаны только для сегодняшнего вечера, когда в углу светится елка, за окном скрипит мороз, а на небе мерцают яркие звезды. Такие чудесные слова!

— Господин, вам пора идти, — сказал врач, — потому что можете опоздать на поезд.

Студент поднялся, посмотрел на часы и только теперь увидел, что времени ему осталось очень мало. Он быстро начал одевать пальто.

— Дедушка, дедушка, — говорил он больному, — я должен идти, а когда буду возвращаться, то постараюсь зайти к вам еще. До свиданья... Дедушка, слышите ли?

Но старик молчал. По его седой бороде скатились две слезы и упали на белую подушку. Потом он открыл глаза и тихо прошептал:

— Сыну, благодарю, что пришел... Зайди еще, а если меня не застанешь, то возьми себе мое Евангелие и читай его постоянно. Это Божья книга... Читай ее, веруй в нее и будешь в жизни счастливым. Ох, сыну... Сегодня ведь канун Рождества... Как хорошо, что ты пришел.

Врач взял студента за руку.

— Вы должны спешить. Времени осталось очень мало.

Студент выбежал из больницы и еще раз посмотрел на часы. Он бежал к станции. Вот недалеко уже станция, но он видит, что поезд трогается с места. Он перепрыгнул придорожный забор и побежал напрямик. Бежал, взмахивая шапкой, но его никто не видел и не слышал. Еще несколько шагов. Студент ловит молодой грудью холодный ночной воздух и бежит-бежит. Когда прибежал на станцию, поезд как раз рванул сильнее и покатил за разрушенные войной постройки. Хотел еще бежать, догонять, но было уже поздно. И он только теперь вспомнил, что на станции лежит его чемодан. Поезд ушел.

Студент стоял, смотрел на два красных огонька, что мерцали сзади поезда и чувствовал, как тяжело на сердце, как невыносимо горько. Хотелось заплакать. Вспомнил старика, больницу и врача. Был сердит и недоволен на всех, на себя, на весь этот чужой город.

На станции он узнал, что следующий поезд пойдет только завтра, поэтому вернулся в город, зашел в отель, заплатил за комнату и не раздеваясь, с разбиты-

ми мыслями упал на мягкую кровать. Он закрыл глаза, но потом какая-то рука опять открывала их. Тогда он видел темный потолок своей комнаты, грязный абажур лампы и в углу старую картину. Потом разделся, напрягал все свои силы, чтобы уснуть, но сон не приходил. Перед глазами стоял отец, мать, их дом. Он сегодня не будет иметь рождественского вечера, праздничной радости... И опять вспомнил больного старика. Вспомнил прочитанное из Евангелия и на сердце както отлегло, камень скатился и засияла в нем рождественская ясная звезда...

Утром, как только первые лучи нового дня заглянули в окно, студент собрался в путь. Он решил еще раз навестить больного старика, а оттуда идти прямо на вокзал. Времени у него теперь очень много.

В коридоре больницы встретила его незнакомая сестра.

— Вы к кому? — спросила она.

— Здесь есть больной иностранец и я хотел бы его видеть.

— А вы кто, сын его или родственник?

— Нет, я ему чужой, но вчера вечером я был у него. Он был очень болен. Сегодня я уезжаю из города и хотел бы еще раз его увидеть перед отъездом.

— Вы пришли поздно... Его уже нет. Умер перед утром.

Студент растерянно стоял в широком коридоре и не знал, что нужно сказать и что делать. В глубине души почувствовал большую тоску о незнакомом старике. Сказал сестре на прощанье какое-то слово и направился к выходу. Сестра его задержала.

— Обождите, пожалуйста, немножко, доктор сказал, что старик оставил вам какую-то книжечку, в надежде, что вы еще сюда придете. Вот она... Это, кажется, Евангелие на вашем языке. Возьмите... Я очень сочувствую вам, но уже поздно. Ваш знакомый умер тихо и спокойно. Перед самой смертью что-то говорил, но мы не понимали его. Возможно вспоминал вас или кого-нибудь из своих родных. Когда уже не мог говорить, то показал рукой на небо, был радостен и счаст-

лив, он был хороший, глубоко верил в Бога и спокойно ожидал своего конца.

Студент вышел из больницы, стал под высокой, покрытой снегом, елью и еще раз оглянулся на дверь, из которой он только что вышел. Сердце его больно сжималось и в душе гнездилось такое чувство, как будто в это рождественское утро он потерял что-то близкое и дорогое, что никогда больше не возвратится. Теперь он жалел дедушку и был рад, что вчера мог навестить его и перед самой смертью поговорить с ним на его родном языке, а также почитать ему Евангелие о рождении Христа. И не жалел теперь, что опоздал на поезд, потому что был глубоко убежден, что так было нужно.

Он спрятал в карман небольшую книжечку и пошел заснеженной улицей к вокзалу. От недалекой церкви доносился звон колокола. Люди спешили в церковь. Рождество. Торжественное рождественское утро. Под ногами скрипел мороз, а лучи солнца отражались в белизне снега и ложились на пробудившийся чужой город.

Студент шел. Он издали увидел, что на вокзале стоял его поезд, словно специально ожидая своего счастливого пассажира.

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТОС

День склонялся к вечеру. Длинные тени деревьев, домов и высоких башен бежали в сторону востока. Красные солнечные лучи посылали свой последний поцелуй природе, заманчивой украдкой ползли по зеленым листьям старых дубов и как бы всем желали счастливой и спокойной ночи.

Солнце скрылось за большую тучу. На город, на сад опустилась прохладная тень. Среди чудной красоты зеленых кустов стоял небольшой домик, в котором, облокотившись на стол, сидел убеленный сединой раввин над большим свитком пергамента. Из под нависших седых бровей сияли любопытством его старческие глаза. На столе в золотом подсвечнике ярким светом горела свеча. В доме все уже убрано и приготовлено к великому празднику Пасхи. Старый раввин внимательно следил по длинным страницам, шептали его уста:

— Только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его, закалай пасху вечером, при захождении солнца, в то самое время, в которое ты вышел из Египта.

За дверью послышались быстрые шаги. В комнату вошла молодая девушка.

— Радуйся, равви! — сказала она и припала устами к краю его одежды. — Учитель, я пришла сказать тебе новую весть. Говорят, что на праздник пришел также тот великий Учитель, о Котором я писала тебе из Десятиградия, как Он поднял меня от смерти Своим могущественным словом.

Старый раввин зашатался и опустился в мягкое кресло. Руки его дрожали, глаза засияли какой-то радостью и из груди вырвался стон:

— Великий Иегова, помоги мне увидеть Его!

Девушка стояла и широко открытыми глазами смо-

трела на раввина. Две больших косы падали низко на ее плечи.

— Юлия, — обратился он к ней, — расскажи мне что-нибудь об этом великом Учителе и как Он даровал тебе жизнь. Это неповторимое чудо!..

Девушка снова рассказала раввину историю ее воскресения от смертного сна.

— Только немножко помню, — говорила она: — Я как будто через сон слышала Его ласковый голос: "Талифа, куми", и встала. У кровати стояли мой отец и мать, тот великий Учитель и трое Его учеников. Двое из них были старики, а третий еще молодой юноша. Учитель пустил мою руку, когда я встала, и удалился. Больше я Его никогда не видела. О, как я была бы счастлива еще когда-нибудь увидеть Его!..

Раввин с глубоким вниманием слушал рассказ девушки и сказал:

— Юлия, иди и, если еще что-нибудь услышишь о Нем, приди и скажи мне. Мы Его увидим. Наверное Он будет в храме.

Лицо девушки покрылось румянцем. Она низко поклонилась раввину и быстро выбежала за дверь.

Раввин, подойдя к окну, смотрел на двор и на его глазах блестели слезы. На западе догорала последняя заря дня. Наступала пятница, а там праздник Пасхи. Он опять достал пергамент и читал пятую книгу Моисея. Потом он отложил свиток в сторону, покрыл голову и, упав на колени, говорил:

— Великий Боже, Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог отцов наших, Ты Сам открой мои очи и скажи: не заблудился ли я, приняв этого Иисуса из Назарета за Мессию, за Царя Израилева? Скажи мне, открой мои сердечные очи, которые не могут хорошо видеть, рассей мои сомнения. И если Он Твой Посланник, то дай мне увидеть Его, тогда я уже буду готов приложиться к праху отцов моих.

Старый раввин встал с холодного пола и две кристальных слезы покатились из его глаз на длинную седую бороду. Через окно он всматривался в темно-синюю даль неба, но там ничего не видел, кроме нескольких уже показавшихся ярких звезд и серого тумана, ко-

торый опускался все ниже и ниже, клубясь на верхушке видневшейся недалеко Елеонской горы.

Между тем, Юлия, оставив раввина, прибежала в свою комнату. Ее мать вместе с другими женщинами, прибывшими из Десятиградия в Иерусалим, делали последние приготовления к празднику.

— Мама! — воскликнула Юлия, — на праздник прибыл великий Учитель, пробудивший меня от смерти.

Мать, обрадованная известием, осыпала поцелуями лицо своей дочери.

Сумрак ночи расстилался над землею и через окна в дом заглядывала ночная тьма. Юлия, взволнованная радостным чувством, вышла на двор. Теплый ветерок нежно ласкал ее лицо. Высокие маслины и кипарисы еле слышно шептали свои вечерние молитвы. Юлия стояла погруженная в свои думы и печально смотрела в даль. Она заметила, как в глубине сада сверкнуло несколько огоньков, которые то исчезали, то снова появлялись и медленно двигались к городу по направлению улицы, где стоял дом первосвященника Каиафы. Юлия продолжала стоять в размышлении о Воскресившем ее из мертвых. Он был очень близок и дорог ее сердцу.

— Ах, как бы скорее увидеть Его, скорей прильнуть к стопам Его... Хотя бы прикоснуться к краю одежды и возблагодарить за Его великую милость ко мне... О, великий Учитель, как я жажду видеть Тебя... — говорила она про себя.

Мягкий ветерок невольно донес до ее слуха какой-то отдаленный говор и шум. Ее внимание скоро было обращено на отблеск пламени, горящего во дворе первосвященника. Это тревожило ее и она быстрыми шагами направилась туда по тропинке. Из ближайшего дома вышла какая-то женщина и они вместе, приближаясь к двору, при свете пылающего костра увидели несколько греющихся людей и римских воинов. На их шлемах, щитах и латах, отражаясь, сверкало пламя.

Они еще ближе подошли и стали у костра. Один из воинов, опершись на свое копье, молчаливо стоял и смотрел в красное пламя огня. Другой сидел на ступе-

нях дома и, опершись о стену, сладко дремал. Другие о чем-то беседовали между собою. Из греющихся у костра особенное внимание обращал на себя пожилой человек. Он, то тревожно осматривался кругом, то, потупив свой взор, глядел на огонь. На его лице отражалась глубокая печаль. Лицо этого человека для Юлиии показалось знакомым, но она не могла припомнить, откуда она знает его. Вдруг одна из служанок, всматриваясь в него, сказала:

— И этот был с Ним.

Но он отрицательно покачал головой и сказал приглушенным, надорванным голосом:

— Я Его не знаю...

— И ты из них, — послышался чей-то голос из стоящих у стены. Воин, опираясь на щит, смерил суровым взглядом этого человека.

— Нет, — ответил дрожищими устами человек у костра. Крупные капли пота выступили на его лице, искривившемся от видимого переживания.

Юлия подошла ближе и, присматриваясь, все более и более узнавала в нем того, который некогда стоял возле ее кровати, когда Великий Учитель воскресил ее от смерти.

— Ведь он один из самых близких учеников Его... Но почему он здесь? И почему он в такой тревоге? — с недоумением думала Юлия, не понимая, что вокруг происходило.

Вскоре к нему подошел молчаливый еврей. Он положил тяжелую руку на его плечо и настоятельно сказал:

— Точно, этот был с Ним, ибо он Галилеянин.

Человек у костра начал клясться и божиться, что не знает Его.

Вдруг, словно в испуге, где-то громко запел петух и как раз в это время из открытой боковой двери первосвященнического дома выходило несколько воинов. Они вели связанного узника с кротким, сияющим любовью и миром, лицом. Узник, оглянувшись, увидел человека у костра и многозначительно кивнул головой. Тогда тот закрыл лицо руками, бросился от огня и горько зарыдал.

Юлия, с широко раскрытыми глазами, смотрела на Чудного Узника. Ее сердце тревожно забилось в груди. Она узнала Его. Это был Он, тот Самый Великий Учитель, пробудивший ее от смерти, кротко стоявший возле ее кровати со Своими учениками.

Она бросилась к Нему, но сильная рука воина схватила ее за плечо и оттолкнула назад.

Конвой медленно скрылся за дверью.

На востоке загоралась заря. Юлия шла домой. Под ногами была холодная роса. Вдали журчал Кедронский поток и пробудившиеся птицы своим пением встречали рассвет.

Молодая девушка спешила домой, а перед ее глазами стоял кроткий Учитель и она как бы опять слышала его ласковый голос: "Талифа, куми".

— Но почему Он связан?.. Разве Он сделал что-либо недоброе?.. — с недоумением говорила она про себя.

Утром, как только поднялось солнце, старый раввин уже собирался в храм. Мысль, что он скоро увидит Того, о пришествии Которого многие века вещали пророки и Который принесет с Собою избавление Израилю, ни на минуту не покидала его и наполняла сердце неописуемой радостью.

— А если это не Он? О, Великий Иегова, дай мне это ясно понять. Не допусти, чтобы раб Твой мог ошибиться и пойти за кем-нибудь другим... — пламенно молился раввин.

В его комнату, постучавшись, поспешно вошла Юлия и рассказала о виденном ею минувшей ночью. Сердце старого раввина сильно забилось в груди и он, закрыв лицо руками, погрузился в мрачные мысли. Он был разбит в своих светлых надеждах и искал света в сердечной молитве, прося указания свыше.

С сердцем полным тревог, он встал, взял своего сына и Юлию и направился в храм.

Широкие улицы Иерусалима были наполнены народом. На террасах величественного храма волновалось пестрое море человеческих голов. Раввин в сопровождении своего сына и Юлии уже сворачивали влево к храму, как вдруг он увидел, из улицы, идущей

от резиденции римского правителя, большую грозную толпу, из которой неслись неистовые крики и проклятия. Медные шлемы римских воинов ярко светились на солнце и среди них возвышался вверх конец дерева.

— Что это за толпа? — спросил сын раввина у проходящего.

— Да разве ты не знаешь о случившемся? Это ведут на смерть некоего обманщика, называвшего себя Христом-Царем, — ответил тот.

— Это ведут Иисуса?..

Толпа приближалась все ближе и ближе и вскоре они трое присоединились к ней.

В средине толпы поднялся большой деревянный крест, зашатался и опять опустился за головы людей. Только виднелся его верхний конец. Он двигался медленно и неровно, вперед и вперед.

Старый раввин протискался в толпу, чтобы увидеть осужденного. Вот он уже недалеко от Него. Он видит между воинами Человека в терновом венце, с трудом несущего большой деревянный крест. Вдруг Он зашатался под непосильной тяжестью креста и упал на одно колено. В это время женщины, сочувствовавшие Ему, разразились громким рыданьем.

Страдалец старался подняться с крестом. Взглянув на окружавшую Его толпу, Он внятно проговорил:

— Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших.

Его взгляд, полный безграничной любви, глубоко проник в душу старого раввина и Юлии.

Вдруг жестокий палач, несущий в корзине гвозди и молоток, поднял толстую палку и со всей силой опустил ее на окровавленные плечи Страдальца.

В толпе снова поднялся громкий вопль женщин.

— О, Учитель!.. — громко вскрычала Юлия и, видя эту потрясающую картину, без чувств, опускаясь на землю, повисла в объятиях раввина.

Сильный поток толпы влек их за собой и раввину пришлось с большими усилиями сойти в сторону под дерево. Он с сыном старался привести девицу к соз-

нанию, но все оказалось безуспешным и им пришлось отправиться домой.

Толпа между тем, возрастая, двигалась по направлению к Лобному месту. Вскоре она покрыла всю гору Голгофу. У подножья горы, словно море, столпился народ, но путь на гору заграждали воины. Сегодня их было слишком много.

Сотник дал распоряжение снять одежду с Иисуса и прибить Его ко кресту. Страдалец на мгновение бросил свой взгляд к небу, потом закрыл глаза и спокойно отдался в руки палачей. Они дерзко сорвали с Него одежду, схватили Его и положили на крест.

Толпа отступила назад. Даже те, которые издевались над Ним по пути, не могли смотреть на эту потрясающую сцену и на Его покорность и безграничную любовь в эти для Него минуты страданий. Воцарилось гробовое молчание. Только слышен был стук молотка, ударяющего о железные гвозди.

— Как брызжет кровь, — отозвался кто-то в толпе.

Изредка был слышен глухой, сдержанный стон. Снова раздались слова сотника. Он добавил указания. Палачи подняли крест с Пригвожденным на нем и с силой опустили его в приготовленную яму. Теперь вся тяжесть тела Распятого повисла на четырех гвоздях. Раны от гвоздей растягивались, рвались ткани тела. Из ран сочилась кровь и темными каплями стекала на землю...

— Отче, прости им; ибо не знают, что делают, — вырвалась молитва из груди Страдальца.

Он молился за своих врагов, в это время некоторые насмехались над Ним, поднимали кулаки.

— Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты оставил Меня? — раздался вопль Страдальца. Эхо подхватило эти слова и понесло их над Голгофой.

И вдруг задрожала земля, небо затянулось темными тучами и камни расселись. Толпа стремглав устремилась с горы, напирая друг на друга. Воины, бросив мечи, бежали в город. Солнце скрылось за тучами, над Иерусалимом распространилась тьма...

А в это время, старый раввин, потрясенный ужас-

ными событиями дня, искал утешения в молитве и в чтении Священного Писания. Юлия, пришедши в сознание, ели слышно шептала:

— О, Учитель... Всемогущий Учитель... Ты, Который имел силу поднять меня от смерти, почему позволяешь таким негодным людям издеваться над Тобою?.. Почему позволяешь этим нечистым устам хулить Тебя, плевать в Твое лицо? Почему?..

И как бы в ответ на тревожные вопросы девицы, старый раввин, нагнувшись, тихо читал из дивных листов пергамента:

— "Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем..."

Раввин прервал чтение. Дрожь пробежала по всему его телу. Его сердце сильно забилось в груди и он снова громко прочел те же самые слова. А перед глазами его все стоял невинный Страдалец, несший большой деревянный крест. И ему казалось, что этот Узник теперь смотрит на него, кладет Свою руку на его голову.

— Юлия, это Он! — громко вскрикнул раввин. — Он — Царь Израилев! Это в действительности Он! Вот, слушай, что написано о Нем у пророка. Слушай... — И раввин опять читал:

— "Он изъязвлен был за грехи наши..."

Последние слова он прочел так тихо, что Юлия еле слышала их. Свиток пергамента выпал из его рук. Старый раввин, откинувшись на спину стула, тяжело вздохнул. И это был последний его вздох...

Прибежал сын раввина и склонился над отцом. А Юлия, получив ясный ответ на вопрос ее души, воскликнула:

— Воистину Он был Агнец Божий, закланный за **наши грехи!**

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

На дворе была страшная метель. Большие хлопья снега, вылетая из темных клубящихся туч, бешено крутились в пространстве. Вечерело...

Поднявши теплый воротник кожуха, Кондрат ходил задумчиво по двору. Заглядывал во все уголки, но отовсюду улыбались ему в глаза порядок и чистота. Все было уже готово и сделано. Завтра Рождество. В конюшне лошади перебирали пахучее сено. Даже коровам бросил Кондрат по порядочной порции сена, чтобы и они знали, что завтра великий праздник. Старый пес, Цыган, увивался у ног хозяина. Весь в снегу, Кондрат вошел в дом. Уже зажглась небольшая керосиновая лампа и ярким светом освещала комнату. Не сбрасывая шапки, Кондрат сел у порога на скамейку.

— Ну что, не видно? — спросила жена из кухни.

— Нет, не видно, — уныло ответил Кондрат, — может быть не приедет; может будет на крещение...

В доме было уютно и тепло. Много соломы лежало на полу. Несколько мальчиков резвилось, бегая по комнате. Лазили под столом, обматывали ноги соломой, играли в "медведя". На столе лежало сено, прикрытое белой скатертью. На сене большая миска со сладкой кутьей, другая с белыми пирогами. В самом углу за столом стоял большой сноп жита.

Малый Кирилл быстро подскочил к столу, стянул пирог и скрылся под лавкой в соломе. Кондрат заметил и обозлился:

— Не можешь подождать? — сказал он, снимая с гвоздя длинный кожаный пояс. — Прочь отсюда на печь. Так и убежал бы от вашего крика на двор.

Дети один за другим, оглядываясь на отца, вышли в кухню и полезли на печь.

— Вот так и нужно, — отозвалась жена Кондрата.

— У меня от их шума голова кругом идет...

Кондрат снова вышел на двор. Метель не унималась. Пушистым снегом заносило дверь. В маленьких окнах соседей как бы поочереди стали зажигаться огоньки. Далеко в деревне раздавался громкий лай собаки. Вдруг ударил могучий колокол и торжественный голос его пронесся над спокойной деревушкой. Кондрат перекрестился.

Он вошел в дом и достал из шкафа запыленную бутылку с освященной водой. Влил в стакан. Затянул басом тропарь:

— "Рождество Твое, Христе Боже наш,

Возсия мирови Свет разума..."

и окропил углы комнаты. Несколько детских голов выглядывало из-за печки. Хозяйка, опершись на кочергу, прислушивалась к голосу мужа. Стенные часы громко выбили позднее время. Кондрат кончил.

— Будем вечерять, — обратился к жене, — нечего ждать; может быть, что случилось, и не пустят.

Хозяйка подала на стол капусту. Из кухни врывался запах жареной рыбы. Семья Кондрата уселась за стол. Вдруг за окном послышался какой-то стук. Громко лаяла собака.

— Приехали! Приехали!.. — радостно кричали дети.

Кондрат выбежал на двор. Под окном неподвижно стояла человеческая тень.

— Кто такой? — спросил Кондрат.

Незнакомец пошатнулся.

— Хозяин, ради Бога, — послышался дрожащий голос, — примите в дом, прозяб... Целый вечер хожу и никто не впускает: боятся... Я, ведь, тоже человек, христианин... Хозяин!..

— Нет у меня места, — ответил сердитым голосом Кондрат, — дети... комната небольшая. Уже и так мне надоели... Хата при дороге и всяк, куда бы ни шел, все ко мне... И в праздник нет покоя...

При этих словах Кондрат злобно затворил за собою дверь и скрылся в сенях.

— Прими, а он завтра тебя обокрадет... — бормотала жена.

С сердитыми глазами Кондрат вошел в дом. За окном с бешенством лаял Цыган.

Ночь... Дети давно дремали — кто на соломе, а кто на кровати. В доме мерцал бледный свет пригашенной лампы. Кондрат еще не спал. Сидел на углу стола, облокотившись на руки и ожидая сына с военной службы в отпуск.

— Надо было бы принять, — подумал вдруг Кондрат, — ночь, мороз, можно замерзнуть... Кто знает... голодный...

В комнате было тихо...

Тик-так, тик-так!.. — считали часы.

За окном послышались знакомые шаги. Кондрат бросился к дверям. Весь в снегу через порог перешагнул солдат. Расцеловались с отцом. Радостная улыбка бегала по взволнованному лицу Кондрата, глаза блестели, наполненные слезами.

— Ожидали мы тебя, сынку, — проговорил, — думали, что случилось что-нибудь, что так долго нет...

Он помогал раздеваться сыну. Стряхивал с шинели снег. Проснулась мать и дети. Радость. Целый год не виделись. Дал братишкам по сладкой конфекте. Старший, Кирилл, примеривал на свою голову с белым орлом солдатскую фуражку. Мать готовила ужин.

— Присядь, присядь, под теплой печкой, — приговаривал Кондрат, — прозяб... набил ноги...

— А как там ехалось? — спросил. — Все было благополучно?

— Да, — ответил солдат, топая ногами, — слава Богу, все хорошо. Здесь только в селе встретился с сельскими сторожами. Шли вместе улицей. Под забором что-то чернело. Оказалось, что какой-то незнакомый человек. Был оборван, прозяб... Рваная фуражка лежала в стороне, а снег присыпал его обнаженную голову. Он лежал под забором и был недвижим. Отнесли его к Остапу возле трех тополей. Оттерли, стал дышать. Видно голодный... Уснул потом.

Солдат перевел дух, поправил воротник и посмотрел отцу в глаза.

— Может где и стучался в дом, да не впустили... Различные люди на свете. В такую святую ночь... Под

Рождество... Ну что, и Христос не имел, где голову преклонить!..

Кондрат покраснел и смотрел на стену, как-будто на часы. Между тем мать подала на стол. Она уселась на краю кровати и не спускала глаз с сына. Кондрат вытянул из под подушки бутылку, и поставил на стол.

— Выпей стаканчик, — обратился он к сыну, — обогреешься!

— Нет, папа, — сказал решительно солдат, — я уже бросил это. Вообще не пью, а в такой день, как сегодня, когда празднуем рождение нашего Господа и Спасителя, как можно пить?..

Неловко стало Кондрату. Взял бутылку и поставил за столом на лавке. Удивленным взором посмотрел на жену. Молчал... Солдат же с аппетитом ел домашние пироги и сладкую пшеничную кашу.

— Я вижу, что вас там всему учат, — нерешительно сказал Кондрат сыну.

Солдат подошел к висящему своему плащу, вынул из кармана маленькую книжечку и положил на стол.

— Я прочитаю вам о Рождестве Христа, — сказал и стал перелистывать страницы.

— "В те дни было от кесаря Августа повеление..." — зазвучали святые слова Евангелия.

Кондрат с женою слушали, как очарованные. Первый раз в жизни им пришлось внимать таким словам, — простым, но глубоко западающим в душу... Было уже позднее время. Кондрату спать еще не хотелось. Столько нового и радостного наслушался он от сына.

— И откуда он так все знает и так хорошо объясняет? — думал Кондрат.

Какой-то новый радостный свет и мир наполнял его душу. В эту ночь в его черством сердце рождался Христос... И больно и стыдно ему становилось, что всего несколько часов тому назад он не впустил в дом этого человека. Он виноват... Христос бы так не сделал... Кондрат насунул на себя большой теплый кожух.

— Ложись спать, уже пора! — сказал он жене, — я выйду посмотреть, как там на дворе.

На дворе метель не унималась... Соседи везде уже

спали. Кондрат быстро шагал улицей в деревню. Во мгле неистово крутящейся метели виднелись три высоких тополя.

— Может быть еще не спят, — думал Кондрат, — возьму его к себе. Будет у нас на праздниках... Пусть даже до Нового года.

Подошел к воротам Остапа. Согнувшаяся избушка за забором таинственно смотрела на него темными окнами. Спали...

— Зайду завтра...

И пошел быстро обратно. Дома тоже спали. Сбросил кожух и присел на соломе.

— Сын Божий родился в хлеву, в яслях... на соломе... О, Боже!..

Ночь...

Тик-так, так-тик... Так-тик, тик-так...

Вьюга злится за окном, завывает в трубе, а на душе у Кондрата так легко, так радостно...

— Да, пойду завтра... — шепчет он уже сквозь сон и лицо его во тьме детски улыбается.

Тик-так, тик-ток, тик-ток, тик-так...

ДЛЯ ГОСПОДА

На широком раздорожьи, вблизи реки, стоял Василий и ожидал своего поезда. На станции темно и грязно, а здесь много солнца и улыбающихся цветов. Река спокойно и равнодушно катила воды, у берега отдыхали утки.

Дорога шла через деревянный мост, делала несколько изгибов и пряталась за кустами. Оттуда должен был выйти поезд. Василий посмотрел на часы и покачал головой, — оставалось еще полчаса.

Он перешел через мост, миновал кусты и остановился на небольшом бугорке. Недалеко от него шел ровным полем трактор и несколькими плугами клал за собою свежую черную землю. Клал ровно, словно умелыми руками. Вслед за трактором подпрыгивали пестрые птички, а вместе с ними прыгали солнечные лучи. Поле пело песню весны, пели птички, и пела душа Василия.

Трактор зашел за бугор. От него была видна только длинная белая полоса дыма. Из-за кустов выехала телега и молодой незнакомый человек задержал лошадь.

— Если вы к поезду, садитесь, — бросил он с улыбкой.

Василий прыгнул на телегу и только теперь увидел, что далеко, у горизонта показался поезд.

— Можно было бы опоздать, — сказал он и уселся на доску.

Поезд вошел на вокзал запыленный и грязный. Он несколько раз рванулся вперед, задрожал и остановился. Никто из него не вышел, но здесь прибавилось несколько пассажиров, а между ними Василий. Пройдя длинными вагонами, он долго искал свободного места. Наконец нашел его возле незнакомого юноши, который сидел и читал книгу.

За окном медленно двигались назад поля, цветы, тракторы, загороди с коровами и дороги. Василий смотрел вдаль, прислушиваясь к песне своей души и дивился, почему у него сегодня на душе так много солнца, весны и покоя.

Юноша достал из кармана маленькую книжечку и, подавая ее Василию, сказал:

— Если желаете, возьмите. Полезная книжка.

— Благодарю, — ответил Василий, видя, что книга религиозного содержания. — Я тоже христианин.

— Это хорошо, — ответил юноша. — Значит, нам и знакомиться не нужно. Мы — братья во Христе.

Василий узнал, что юноша — студент Библейской Школы, каждое воскресенье ездит в ближайшие села, ведет там библейские классы молодежи, и сегодня едет в последний раз. Он закончил учение и скоро пойдет на духовную работу. Василий рассказал о себе. Он — крестьянин, работает на своем поле, в школах не учился, но может читать, выписывает духовные журналы, книги, следит за духовной работой, интересуется ею. Теперь он едет в город получить деньги за прошлогоднюю пшеницу.

Перед самым городом студент дал Василию несколько брошюр для бесплатной раздачи и сказал, что завтра вечером он будет ехать этим самым поездом.

Теперь поезд шел между низкими домиками. Приближался город.

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, Василий глубоко задумался. Он мысленно сравнивал себя с молодым студентом и видел, что он далеко не такой. Много раз он проезжал этим поездом и никому не засвидетельствовал о Христе. Он даже не знает, как начать такой разговор, с какой стороны подойти к человеку незнающему Бога. А этот студент делает это так легко и свободно. — Если желаете, возьмите... Полезная брошюра... — Вот это и есть настоящее христианство, ревность о деле Божьем.

Рассуждая так, Василий твердо решил в своей душе отныне идти таким путем. Хотя он не ученый, не миссионер, но таким самым, как он, простым людям он может сказать о Господе.

Пассажиры засуетились и начали собирать свои чемоданы. Поезд останавливался. Василий не имел никаких вещей, взял свой плащ и вышел на ровный вокзальный двор. На дворе было много солнца и много городской пыли. Далеко на хуторе бегал привольный ветер,

но сюда он не долетал, не пускали высокие черные дома.

На углу двух улиц стоял большой красный дом, куда Василий ежегодно приходил за деньгами. Он шел сюда словно домой. Все его здесь знали и он знал всех. Много лет подряд он привозит сюда свою пшеницу, а отсюда берет деньги и нужные ему земледельческие машины.

Сегодня он получил деньги, спрятал их глубоко в карман пиджака и пошел тротуаром в центр города. Свернув направо, он очутился в большом городском парке. Ровные тропинки, усеянные мелким песком, разбегались во все стороны и прятались в зарослях цветов. На скамейках дремали люди. Василий присел на скамейку. Чувствовалась усталость. Он достал из кармана приготовленный женой кусок пирога. Вместе с пирогом вытянулась брошюра и упала на траву. Он поднял ее и вспомнил студента, вспомнил свое решение сделать что-нибудь для Господа. Вспомнил и глубоко задумался, а потом вполголоса сказал сам себе:

— А что, если бы я пошел по парку между скамейками и раздал людям брошюры?

Он поднялся со скамейки, посмотрел вокруг себя, чтобы удостовериться, не слышал ли кто-нибудь того, что он сказал, вынул брошюры и разделил их на две части. Часть положил обратно в карман, а часть взял в руку. Направился к одной скамейке, на которой сидело несколько мужчин, но почему-то свернул направо за кусты. Потом он подошел к другой скамейке под самым забором, но в последнюю минуту оробел и возвратился назад. Чувствовал, словно чья то невидимая рука держала его за полу пиджака и не пускала.

Василий сел на свободную скамейку, но через несколько минут снова встал и направился за кусты. Там тоже было много скамеек, много зелени и много незнакомых людей. И между этими чужими людьми Василий долго ходил, словно кого-то искал. Ходил, прислушивался, присматривался и за долгое время никак не мог найти в себе отваги и смелости дать кому-нибудь евангельскую брошюру, начать разговор и побеседовать о Господе.

Он медленно шел тропинкой и был недоволен на себя. В душе волновались мысли и чувства. Он — христианин, регулярно посещает церковь, посылает своих детей в воскресную школу, член церкви, давно уверовал в Господа, как своего личного Спасителя, а... другим стыдится сказать о Христе. А что было бы, если бы пришло на верующих гонение? Устоял бы ли он? Наверно, нет...

Василий не видел своего лица, но чувствовал, что оно красно от стыда. В его памяти опять предстал студент и в сердце застучал молотом голос совести. Пробудилось недавно сделанное в поезде решение. Видел, что теперь наилучшее время для того, чтобы привести в исполнение свое решение. Теперь наилучшая возможность, потому что в его кармане много духовных брошюр, а в городском парке много людей.

Василий не мог сидеть. Он опять встал и опять ходил между деревьями с низко опущенной головой. Маленькая брошюра синего цвета, которую он держал в своей руке, смотрела на него острым, словно нож, заглавием: "Спасение только во Христе".

Он направился к выходу, недовольный на себя. По деревьям прыгали белки и он взглянул вверх. Небо улыбнулось ему ласково и мило, вливало в его сердце тепло.

В углу парка, на отдаленной скамейке, сидел человек. Василий направился туда, сел на другой конец скамейки, но незнакомец даже не посмотрел в его сторону.

— Хорошая сегодня погода, — сказал Василий, ища знакомства.

— Угу, — ответил незнакомец, не поднимая глаз.

Василий вынул брошюру и подал незнакомцу:

— Возьмите, пожалуйста, если желаете. Полезная для души книжка.

Незнакомец только теперь поднял глаза, посмотрел на Василия и сжал уста. Потом гневно сказал:

— Откуда вы знаете, что у меня есть душа?

— Потому что сидите вот здесь и говорите со мною, — сказал Василий и его рука с протянутой брошюрой упала на правое колено.

— Если по-вашему все, что живет имеет душу, то и эта белка, что прыгает на дереве, тоже имеет душу. Дайте ей брошюру... Она ведь живая... Га?.. — ответил незнакомец и злобно улыбнулся рядом желтых от табака зубов.

Василий услышал от него сильный запах алкоголя. Он еще хотел что-то сказать, но незнакомец его обогнал:

— Вы, церковники, лучше позаботились бы о моем теле, нежели о душе. Вы не спрашиваете меня, ел ли я сегодня, имею ли я где ночевать, имею ли я работу, а сунете мне свою христианскую мораль, — и он злобно плюнул на траву и стал твердо на это место порванным ботинком.

— Друг, — сказал Василий, — откуда я знаю, кто имеет работу, а кто не имеет? Откуда мне знать, голоден ли кто или нет? Если вы голодны, я могу и в этом помочь. Вот здесь пять рублей, пойдите и пообедайте. Пусть Господь во всем поможет вам, а брошюру тоже возьмите...

И он протянул незнакомцу деньги и брошюру.

Тот взял, и не сказав ни слова, встал и пошел к воротам.

Василий остался один. Сердце его было взволновано. Он смотрел вслед незнакомцу и видел, как тот, выйдя за ворота, бросил брошюру в стоящий у забора сорный ящик. Василию показалось, что он бросил туда часть его сердца... Он искренне желал добра этому человеку, желая спасения его души, а он отклонил это, попрал ногами добрые чувства Василия.

К Василию подошел молодой, хорошо одетый человек.

— Зачем вы, господин, дали этому пьянице деньги?

— Он меня просил. Говорил, что голодный. Бедный, видимо... — ответил Василий.

— Нет, господин, он не должен быть бедным. Он имел хорошую работу, имел несколько домов, семью, а потом начал пить и все потерял. Теперь ходит по улицам и по паркам, просит милостыню. Вы дали ему день-

ги, а он сейчас же пойдет с ними в кабак. Таким людям нельзя давать милостыню.

— Таким именно нужно помочь, — оправдывался Василий. — Им нужно не только помочь материально, но и духовно, указать путь к Богу, сделать их людьми...

— Это правда, но этому человеку ничто не поможет. Я его знаю...

— Таким и нужна помощь, — опять начал Василий. — Нужно искать путей, которыми таких людей можно привести к Богу. Христос для таких грешников пришел, чтобы спасти их.

Незнакомец улыбнулся и посмотрел на часы.

— Верно, но и я правильно думаю. Например, вы дали ему деньги сегодня, завтра ему даст кто-нибудь другой и так ежедневно. А это его не исправляет, а приводит к неизбежной гибели. Не так ли?

— Правильно, но все-таки нужно что-нибудь делать для таких людей, — говорил Василий.

Незнакомец еще раз посмотрел на часы. Он куда-то спешил.

— Пожалуйста, возьмите это, — сказал ему Василий на ходу, — это очень полезно для вашей души.

Тот взял брошюру и улыбнулся.

— Благодарю, — сказал он спокойно, — но я тоже имею свою церковь. Я тоже христианин.

— Слава Богу, это очень хорошо. И если вы спасены, то брошюру дайте тем, кто еще не знает Бога.

Незнакомец остановился.

— Как же человек может знать, спасен ли он или нет? — Незнакомец пристально посмотрел в ясные глаза Василия. — Об этом мы будем знать в вечности, а теперь это сокрыто от нас.

— Нет, друг, — живо ответил Василий, — Евангелие говорит, что верующий в Сына Божия знает теперь, что он имеет жизнь вечную. Я как раз не имею при себе Евангелия, но в брошюре есть выписки из Евангелия и вы можете об этом почитать дома. Надеюсь, у вас есть Евангелие, не правда ли?

— Нет, я не имею, но каждое воскресенье слушаю его в церкви. Я такого мнения, что если человек пло-

хой, то и церковь его не исправит, а если он порядочный, то и кабак его не испортит. Мне, вот, все-таки нравится то, что вы дали бедному деньги на хлеб, хотя ему и не следует давать, но не нравится мне то, что вы навязываете другим свою религию. Ваша вера не лучше моей...

— Разве я сказал, что ваша вера плохая, а моя хорошая? — оправдывался Василий. — Не о религиях я говорю, а о Христе.

За забором послышался чей-то крик. Два полицейских тянули из кабака пьяного человека, а он упирался и кричал.

— Вот, видите, это он, — сказал собеседник Василия. — За ваши деньги он уже напился.

Василий остался один со своими думами и свежими впечатлениями. Как никогда раньше, он увидел, как много на свете людей, которым нужно сказать о Христе, как широка эта духовная нива и как мало на ней работников. Везде люди, везде зло и грех. И работа на этой ниве тяжелая, опасная. Это не то, что сеять пшеницу, растить скот. Здесь дело с живыми людьми, с разными характерами, с различными взглядами.

Дорога привела Василия на большой двор, заполненный рядами новых тракторов и других земледельческих машин. Здесь он уплатил свои долги и оттуда пошел на вокзал. До отхода поезда было еще много времени и он сел на скамейку и отдался своим мыслям и переживаниям. Ему хотелось помочь в большой евангельской работе, но кто же тогда будет сеять пшеницу? Во-вторых, что он может сделать, если он к этому не подготовлен. Вот сказал человек, что и белка имеет душу, а он не мог ответить на это. Кто его знает, как оно есть? Для этого нужно учиться в школе, нужна практика.

Вдруг, как стрела, новая мысль пронзила его сознание, он встал и пошел к вокзалу, а сердце его говорило:

— И я могу принять участие в этой работе. Да, могу...

Он вспомнил, что студент обещал завтра ехать вечерним поездом. Василий решил переночевать в горо-

де и завтра возвратиться домой, чтобы еще раз встретить студента, побеседовать с ним и поделиться назревшим в его сердце планом. Этот план обыкновенный, хозяйский, но Василий был уверен, что он правильный и хороший.

На другой день, когда часы на вокзальной башне пробили пять раз пополудни, Василий был у поезда. Он нашел свободное место возле окна. А другое место впереди себя приготовил для студента. Он вошел на первом полустанке, прошел по вагонам и первым заметил Василия.

Поезд летел через молодой густой лес, а потом через ровное, засеянное пшеницей поле. За несколько часов общей езды, Василий рассказал студенту о своих переживаниях в городе, о своих впечатлениях, о своих трудностях и о своем желании делать что-нибудь для Господа. А когда поезд приближался к станции, на которой он должен был сойти, Василий достал из кармана чистый запечатанный конверт и, подавая его студенту, сказал:

— Не знаю, хороший ли мой план, но я придумал его, чтобы что-то делать для Господа. Большего я придумать не мог. Это по моим силам и по моим способностям. Откроете конверт тогда, когда меня с вами не будет. Возможно, мы никогда больше не увидимся, но это не важно. Молитва нас будет соединять. До свидания, пусть Господь будет с вами в труде. Помолитесь за меня, чтобы я мог исполнить мое постановление относительно этого плана. — говорил, спеша, Василий уже стоя на платформе.

— Оставайтесь с Богом, — звонко ответил студент и помахал рукой.

Когда поезд тронулся, студент долго смотрел на конверт. Он открыл его и увидел там четыре бумажки по пятьдесят рублей, а на обыкновенной простой бумаге твердой хозяйской рукой было написано: "На дело Божье..."

Студент бросился к окну, чтобы увидеть Василия. По полю уверенно шел трактор, блестела река, а Василия не было.

**
*

Знакомой полевой дорожкой Василий шел к своему зеленому хутору. На душе у него было так легко, словно с нее свалился тяжелый камень. Над лесом опускалось солнце. Он шел и думал-думал. Он так счастлив сегодня, как никогда, словно снова родился, словно случилось что-то великое, но он еще ничего об этом не знает.

От ворот шла Настя, его жена и на ходу вытирала фартуком глаза.

— В чем дело? — спросил взволнованно Василий.

— Ничего, ничего... Все хорошо...

— А зачем же ты плачешь?

— От радости... Господь услышал нашу молитву. Сегодня возвратился от дедушки наш Володя новым человеком. Он обратился там к Господу. Там какой-то студент из города проповедывал и Владимир покаялся....

Василий вытер рукой глаза и повернулся к воротам, чтобы жена не видела его слез.

— Настя, — проговорил он, — это самая счастливая весть в моей жизни. Слава Господу! Он не оставит нас, если мы будем щедры для Него. Я только жалею, что за это счастье заплатил так мало... Только двести рублей. Не понимаешь? Пойдем в дом и все расскажу. Хочу скорее видеть Володю...

Василий закрыл ворота, а заходящее солнце бросало ему под ноги тень придорожных лип. Бросало и искрилось розовыми красками.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Мать ..... 5 - 11
2. Вера ..... 12 - 20
3. Осенью ..... 21 - 32
4. Записанный ..... 33 - 39
5. Осень ..... 40 - 49
6. В лесу ..... 50 - 56
7. Истинное счастье ..... 57 - 63
8. Тихая ночь ..... 64 - 69
9. Иностранцы ..... 70 - 76
10. Умирающий Христос ..... 77 - 84
11. В ночь под Рождество ..... 85 - 89
12. Для Господа ..... 90 - 98

КНИГИ НИКОЛАЯ ВОДНЕВСКОГО

1. НА РАССВЕТЕ (Разошлась)
2. ГОЛУБОЙ РОДНИК ..... 1.00 дол.
3. ПОД ПОКРОВОМ ВСЕВЫШНЕГО (Разошлась)
4. ИВАН СЛЕДОПЫТ ..... 0.75 "
5. МОЕ ДЫХАНИЕ ..... 1.00 "
6. ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ..... 1.00 "
7. ТИХИЕ ВОДЫ ..... 1.00 "
8. ТАК ОТВЕЧАЕТ БИБЛИЯ (Разошлась)
9. О ЧЕМ ПОЮТ НЕБЕСА ..... 1.00 "
10. БИБЛИЯ ОТВЕЧАЕТ (2-я часть) ..... 1.00 "

Можно выписывать по адресу:

N. W A D E N

2243 — 22nd Ave., Sacramento 22, Calif., U.S.A.

ПРИГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ:

1. СИНИЕ ДАЛИ — Рассказы
2. ЗАПИСКИ СЧАСТЛИВОГО ЭМИГРАНТА — Очерки
3. НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДАМ — Стихи

UNIVERSITY OF MANITOBA LIBRARIES
3 2212 01952882 0

Talleres Gráficos "DORREGO", calle Dorrego 1102, Buenos Aires. T. E. 54 - 4644